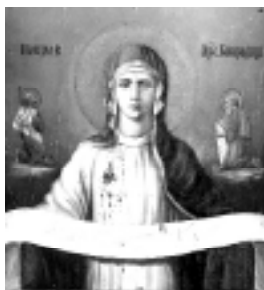

«Радуйся, Радосте наша, покрый нас
от всякаго зла честным Твоим омофором».

КУНЬЕ

Под Покровом

Пресвятой Богородицы

ИСТОРИЯ ХРАМА

Священник Владимир Русин

«Православное краеведение»
Старый Оскол
2007

ББК 85.103 (2 Рос – 4 Бел)
К 91

Содержание

По благословлению
высокопреосвященнейшего
ГЕРМАНА,
архиепископа
Курского и Рыльского

Кунье под Покровом Пресвятой Богородицы. История храма. – Священник Владимир Русин. – Старый Оскол. Издание Свято-Покровского храма, что в селе Кунье Горшеченского района Курской области, 2007. – 96 с. – (Серия «Православное краеведение»).

Редактор Евгений Цуканов.
Корректор Гафиря Ильясова
Верстка Александр Рудаков

Средства, полученные от продажи книги,
будут использованы на ремонт храма

Предисловие, или История продолжается.....	5
Часть первая.	
История Покровского храма, что в селе Кунье.....	10
Приход.....	10
Основание села.....	11
Деревянный храм.....	12
Строительство каменного храма	13
Первые священно- и церковнослужители	
Покровского храма	15
Два настоятеля.....	15
Тайник как напоминание о гонениях.....	21
Отстояли свою церковь.....	23
Закрытие церквей в Ястребовском районе.....	24
а) Никольское. «Если верующих нет, то кто же жалуется в Верховный Совет?».....	24
б) Бараново. Храм закрыт «по техническим причинам».....	28
в) Кунье. Использование церкви «на культурные цели».....	30
Молитва за русских солдат в германском тылу.....	31
Приходской помяник.....	35
«Титоры» и «титориhi»	38
Икона со следом от пули.....	41
Кунье под водой.....	43
Село дачного типа.....	45
Сыльный приход.....	46
«Пришлите нам старенького батюшку»	48
По святым местам.....	50
Студенты ПСТГУ из Кунье	51
Кунье – Курчатов.....	52
Накануне юбилея.....	54
Часть вторая.	
Дополнение к истории храма	
1. Краеведческие заметки.....	56
Кунье, Куньи, Кунья... (Загадки этимологии, или К вопросу происхождения названия села).....	56

«Пастырь ничего не должен бояться...» (О священнике Петре Дагаеве).....	59
Куньевский колхоз «Большевик» как мишень для критики....	64
Единственный фотоснимок (О священнике Василии Алпееве).....	67
Параскева-мученица.....	68
Часть вторая.	
Дополнение к истории храма	
2. Жанровые зарисовки	70
Жили у бабуся... караси.....	70
«Изыдите, оглашенные...».....	72
Большое Соборование.....	73
Просфорование.....	73
Батюшка с ценником.....	74
Человек в рясе.....	74
Как я отказался «отпевать» кротов (рассказ приходского священника).....	74
Часть третья.	
Приложение к истории храма.....	76
Сам себе храм.	
Можно ли верить в Бога, лежа на диване?.....	76
Утешение скорбящим.....	78
Смерть – это не только потеря, но и приобретение.....	78
Пьянство и свинство.....	79
Жизнь как телешоу.....	81
Семь бед семьи.....	83
Увязая в колею бытового атеизма.....	83
Семья в периоде полураспада.....	84
Хорошее дело – брак.....	86
Святые земли курской.....	87
Вместо послесловия.	
Беседа в Праздник Покрова Пресвятой Богородицы.....	89
Литература и источники.....	93

**Предисловие,
или
История продолжается**

В 2005 году по благословению Высокопреосвященнейшего Германа, архиепископа Курского и Рыльского, мы начали собирать и систематизировать все имеющиеся сведения по истории Свято-Покровского храма, что в селе Кунье. Поначалу казалось, что итогом этой работы будет большая историческая справка, а получилась – маленькая книжка.

Как в капле воды отражается море, так и в истории тихого сельского прихода отразилась бурная история Русской Православной Церкви за два ее последних столетия. Это был не самый легкий период и для нашей Церкви, и для нашего Отечества.

Едва только в Кунье развернулось строительство нового каменного храма, как началась Отечественная война 1812 года. Хотя наш край не подвергся разорению солдатами Наполеона, строительство храма не могло продвигаться такими же темпами, как в мирное время. По приходам Курской епархии проводился сбор средств на создание военного ополчения для защиты страны. Разумеется, не мог остаться в стороне и куньевский приход. Поэтому храм удалось достроить лишь после того, как русские воины победно прошли по улицам Парижа.

Что примечательно, еще в 60-ые годы XX века большинство жителей села Кунье жили в глиняных хатах, крытых соломой. А для дома Божия куньевцы уже в XIX столетии не поскупились ни на кирпич, ни на железо, ни на внутреннее убранство. Иконостас такой сделали, что многие современные реставраторы разводят руками и не дерзают вмешиваться, боясь навредить.

События 1917-го года положили начало самому драматичному периоду в истории нашей Церкви. Изнутри терзаемая различными расколами, извне гонимая безбожными властями, Русская Церковь, казалось, была на грани исчезновения. Священнослужителей повсеместно арестовывали и истребляли, храмы закрывали и разрушали. Пульс церковной жизни в советской России едва прощупывался. С 1936 года замерла литургическая жизнь и в нашем храме. А в 1940 году церковь в Кунье была официально закрыта решением Курского

облисполкома и передана на стройматериал для начальной школы. Однако с началом стройки замешкались, а когда через несколько месяцев началась Великая Отечественная война, было уже не до строительства.

Наш храм, открытый во время немецкой оккупации в 1942 году, уже не закрылся и после освобождения Кунье советскими войсками. Достоинно выдержали куньевцы и хрущевские гонения за веру. Новая угроза нависла над Покровской церковью в 1970-ые годы, когда началось строительство Старооскольского водохранилища. Согласно проекту, Кунье попадало в зону затопления. Под воду должен был уйти и храм, находившийся в самом центре села. Но Господь миловал и на этот раз – вода не дошла до церкви.

С конца 1980-ых годов для Русской Православной Церкви началось настоящее лето Господне. Церковь, наконец-то, начала дышать полной грудью. Духовное возрождение преобразило и нашу глубинку. Верующие могут теперь устраивать жизнь прихода без оглядки на мрачную фигуру регионального представителя комитета по делам религии.

Нас несколько настораживает естественное вымирание села, но уже более чем трехвековое покровительство Пресвятой Богородицы позволяет надеяться, что у нашего прихода есть будущее, а не только насыщенное заботами настоящее и богатое прошлое.

Далекому и близкому прошлому Покровского храма и села Кунье посвящена эта книга. Условно ее можно отнести к разряду научно-художественных изданий. Хотя, конечно же, и в художественном отношении она далека от совершенства. Автор попросту не успевал переварить обрушившуюся на него грудю фактов. И с научной точки зрения в этом труде легко можно найти массу огрехов. Автора оправдывает лишь то, что он сознательно избегал излишней академичности, памятуя, что такая форма подачи материала может осложнить его восприятие для многих читателей, не привычных к подобному чтению.

Несколько слов о том, откуда мы брали материал для книги. Основными источниками информации стали для нас документы из различных фондов Государственного архива Курской области (ГАКО), архива Курской Епархии и воспоминания пожилых жителей села. Для изучения отдельных вопросов нам потребовалось знакомство с документацией, хранящейся в архиве УФСБ по Белгородской

Подробная карта Кунье 1957 года. Водохранилища еще нет. Храм еще в центре села.

области и Старооскольском краеведческом музее. А также небесполезным оказалось и штудирование церковной и советской периодики в залах Синодальной и Государственной Публичной исторической библиотек. Неоценимую услугу оказали нам добровольные консультанты, согласившиеся ознакомиться с текстом до его публикации и указать на слабые места.

Если просто перечислить имена всех тех, кто так или иначе помогал нам в сборе информации, то получится еще один том книги. Если добавить к этому списку имена тех, кто принимал и принимает участие в литургической и хозяйственной жизни прихода, если назвать поименно всех благодетелей и трудников, придется верстать третий том. И он будет самым увесистым. Тут уж сотней страниц не отделаешься.

Хотелось бы всех этих ведомых и неведомых автору помощников поблагодарить и помянуть, если не на печатных страницах, то на проскомидии. Но «ихже мы не помянухом, неведением, или забвением, или множеством имен, Сам помяни, Боже, ведый коегождо возраст и именование...» (Из тайной молитвы священника на Литургии святителя Василия Великого).

В сокращенном виде история нашего храма увидела свет в Горшеченской районной газете «Маяк» и Старооскольском еженедельнике «Бизнес-центр». Некоторые заметки, зарисовки и статьи из второй и третьей части нашего издания были опубликованы в газетах «Право-

Шодман Каримов (ныне диакон Александр) и Артем Важнов (ныне солдат срочной службы) борются с последствием снегопада

славное Осколе», «Зори» и «Вечерний Оскол». Мы посчитали возможным включить их в настоящее издание, так как они обогащают историческое описание некоторыми важными деталями.

Точнее было бы назвать основной текст книги не историей храма, а опытом написания истории храма. А опыт, как сказал поэт, «сын ошибок трудных». Если Господь благословит второе издание этой книги в 2009 году, уже непосредственно накануне двухсотлетнего юбилея храма, постараемся сделать его более точным и красочным. А пока будем работать над ошибками и радоваться всем, кто пожелает дополнить нашу историю новыми фактами. Одна из причин, по которой мы спешим с публикацией еще сырого материала, заключается в том, что «дни лукавы» (Еф. 5.16). Завершают свой земной путь те, кто мог бы поделиться с нами воспоминаниями о Покровском храме, его настоятелях, актив-

ных прихожанах. Многие из уроженцев Кунье ныне проживают в Старом Осколе, Губкине, других городах и селах. Издание книги – один из способов выйти с ними на контакт и продолжить историческое исследование.

Словом, история нашего храма продолжается. И вы держите в руках еще не последний вариант книги о ней.

*Установка маковки купола.
11 июля 2006 г.*

Часть первая

История ПОКРОВСКОГО ХРАМА, что в селе Кунье

Приход

Храм в селе Кунье большой, трехпрестольный. И все три престола посвящены Божией Матери. Центральный престол освящен в честь Покрова Пресвятой Богородицы, южный и северный – в честь ее икон: Иверской и Владимирской.

До 1917 года границы приходов были очерчены довольно четко. И все христиане, проживающие на обозначенной территории, считались прихожанами одной церкви. Согласно дореволюционному межеванию, к куньевскому приходу относились жители всего села Кунье, большая часть жителей деревни Ржавец (остальные были приписаны к храму в селе Никольское) и все жители Игнатово хутора (Долгая тож), исчезнувшего с лица земли в результате кампании по раскулачиванию.

В 1960–1980-е годы, когда в бывшем Ястребовском районе оставались всего две открытые церкви, границы куньевского прихода значительно расширились. В настоящее время прихожанами нашего храма по территориальному признаку можно считать жителей Кунье, Ржавца, Никольского (храм в этом селе разрушен в 1960-е годы) и стремительно вымирающей деревеньки Нижняя Дорожня, в которой и кладбища-то своего нет.

Низкое вознаграждение за тяжелую работу на земле, а то и вовсе отсутствие и работы, и зарплаты вынудили многих искать счастье в городе. В свою очередь жители города проезжали по пригородным селам в поисках места для отдыха, дачного участка или заветного домика в деревне. Таким образом, некоторые старооскольцы и губкинцы впервые оказывались в Кунье и, увидев Покровский храм, вспоминали о чем-то очень важном. Кто-то затем приезжал сюда креститься, кто-то стал изредка заезжать на большие праздники, а кто-то считает себя прихожанином нашей сельской церкви, невзи-

рая на городскую прописку. Поэтому приходской совет куньевского храма в последние годы стал наполовину городским.

Изучая различные исторические источники, мы убедились, что на протяжении всей своей истории село Кунье находится в сфере влияния города Старый Оскол. Так было истари. Так оно есть и сейчас.

Один маленький и курьезный пример. В 1936 году корреспондент Ястребовской районной газеты «Колхозное знамя» стыдил местных жителей за отсутствие в селе парикмахерских и бань. «Об этих очагах культуры и здоровья говорят много, – писал он, – но все остается на словах, а бриться ездят в Старый Оскол» [1]. (Общий список литературы и источников – в конце книги).

Основание села

Впервые наше село упоминается в писцовой книге 1643 года под именем Скупое. Насчитывало оно тогда всего два двора и пять душ [2]. С 1675 года за селом закрепляется двойное название – Скупое-Кунье [3. стр. 86]. Некоторые исследователи утверждают, что датой основания села следует считать 1692 год [4. Стр. 88]. Если согласиться с этим мнением, получится, что первый храм в Кунье был построен за 10 лет до основания села.

Исторически Кунье всегда было связано со Старым Осколом. Уже в начале XVII века, вскоре после основания города и строительства крепости, старооскольцы начали осваивать окрестности. Северная сторона до рек Стужень и Дорожня полюбилась оскольским ездокам. Сенокосные луга, рыбные места влекли их сюда, но постоянная угроза нашествия иноплеменников с юга не позволяла обжить местность основательно. Когда во второй половине XVII столетия появилась надежда на безопасную жизнь не только за крепостными стенами, часть жителей Ездоцкой слободы переселилась в наши края [5. стр. 7]. В это время был основан ряд новых сел, в число которых входит и Кунье. Первоначально наша местность делилась на станы и село Кунье-Скупое относилось к стану Пузацкому.

Деревянный храм

Итак, своя церковь в Кунье появилась уже в 1682 году. Это был де-

ревянный храм, построенный Василием Шестаковым «с товарищами» [3. стр. 173]. Ездоки очень любили праздник Покрова Пресвятой

Ревизские сказки 1811

Богородицы. Они и в своей части оскольской крепости, в большом остроге, построили церковь в честь этого праздника. Решили ездоки, что и в новом селе храм тоже будет Покровским.

Имя первого священника этого храма исторические источники не сохранили. Зато известно имя последнего. Оно упоминается в ревизских сказках 1811 года. Это был священник Попов Тарасий Онисимович («Онисимов сын», как тогда писали). В предыдущую ревизию, проходившую в 1795 году, он служил диаконом в Тихвинском храме села Бараново. А в Кунье в ту пору жил священник Стефан Дагаев. Но в 1802 году отец Стефан умер, и на его место священноначалие (тогда Курской епархией управлял архиепископ Феоктист (Мочульский)) рукоположило отца Тарасия. Последний раз имя этого священника встретилось нам в «Книге церковной для регистрации браков Тихвинской церкви села Бараново» за 1839 год. Он своею рукою заверял, что все необходимые процедуры, предшествующие таинству венчания, местным священником соблюдены. Из подписи мы узнаем, что к этому времени отец Тарасий уже числился за штатом. В самом Бараново в это время служил иерей Иоанн Матвеевич Дагаев [6].

Строительство каменного храма

К началу XIX века деревянный куньевский храм совсем обветшал. В 1809 году в Кунье началось строительство нового, каменного, храма. Для обеспечения стройки материалами в селе построили кирпичный завод, дававший 30 000 штук кирпича в год [3. стр. 366]. Храм в Кунье был возведен уже после Отечественной войны 1812 года, в 1816 году. Эта дата и указана в справочнике по Курской епархии, выпущенном в дореволюционные времена [7].

В одном современном научном сборнике храм в селе Кунье ошибочно назван Свято-Димитриевским. Годом постройки храма авторы этого издания считают 1812 [8. стр.205].

«Одноглавая, шестистолпная, трехапсидная, приземистых пропорций» – так охарактеризовали нашу церковь специалисты из Курского краеведческого музея, проводившие искусствоведческую экспертизу несколько лет назад.

Кто был инициатором и главным строителем новой церкви в селе Кунье, пока не выяснено. Лет семь тому назад при планировке прихрамовой территории бульдозер извлек из-под земли две могильные плиты. Надписи на плитах сообщали, что под ними были погребены надворный советник Андрей Тельс, скончавшийся в 1829 году, и «флота капитан-лейтенант» Александр Тельс, скончавшийся четырьмя годами ранее. Интервал между датами их рождения также невелик. Поэтому резонно предположить, что они были братьями. Во Ржавце, соседнем селе, у Тельсов было поместье, возможно пожалованное им (или

Колокольня. Осень 2006 г.

их родителям) за усердную службу. И, по всей вероятности, в строительстве нашего храма они принимали не самое последнее участие, поскольку завещали себя похоронить у его стен. А во Ржавце и по сей день одну из улочек называют Тельцово.

Во Ржавце жила также помещица Платонова (или Платониha, как ее называли крестьяне). На свои средства она пристроила к куньевской церкви Владимирский придел, а, возможно, и Иверский тоже. Из уважения к этой набожной женщине в праздники и воскресные дни богослужения в храме не начинали до ее приезда. Звонарь забирался на колокольню и сверху внимательно следил, когда на горизонте появится помещичья тройка. При подъезде Платониhi к церкви начинался перезвон. Колокола приветствовали подъезжающий экипаж. Колокольчики под дугой отзывались на приветствие.

Куньевские звонари до революции имели в своем распоряжении четыре колокола, доставшихся каменной церкви в наследство от деревянной [3 стр. 446]. В настоящее время прихожане собираются на службу под звон одного большого колокола, маленького колокольчика и обрезанного кислородного баллона.

Первые священно- и церковнослужители

Покровского храма

Как нам удалось выяснить, последним священником деревянного куньевского храма и первым каменного был Тарасий Попов. В ревизских сказках 1815 года можно встретить и имя его матушки Мавры Васильевны. Они с супругом были ровесниками, и на момент ревизии им обоим исполнилось по 48 лет [9].

А другие положенные по штату должности в нашем храме занимала фамилия Дагаевых.

У дьячка Леонтия Филипповича Дагаева и его супруги Феодосии Петровны было три сына. Гавриил умер в 1805 году. Иван в 1815 году «выбыл в мещанское сословие». Илья (младший) в момент переписи остался «при отце».

В 1809 году в Кунье на должность пономаря назначили Василия Стефановича Дагаева. Судя по всему, сына покойного священника Стефана Дагаева. Супругу его звали Феодорой Логиновной. Воспитывали они трех сыновей: Павла, Михаила и Ивана. И опекали младшую сестру Василия Стефановича – Параскеву.

Два настоятеля

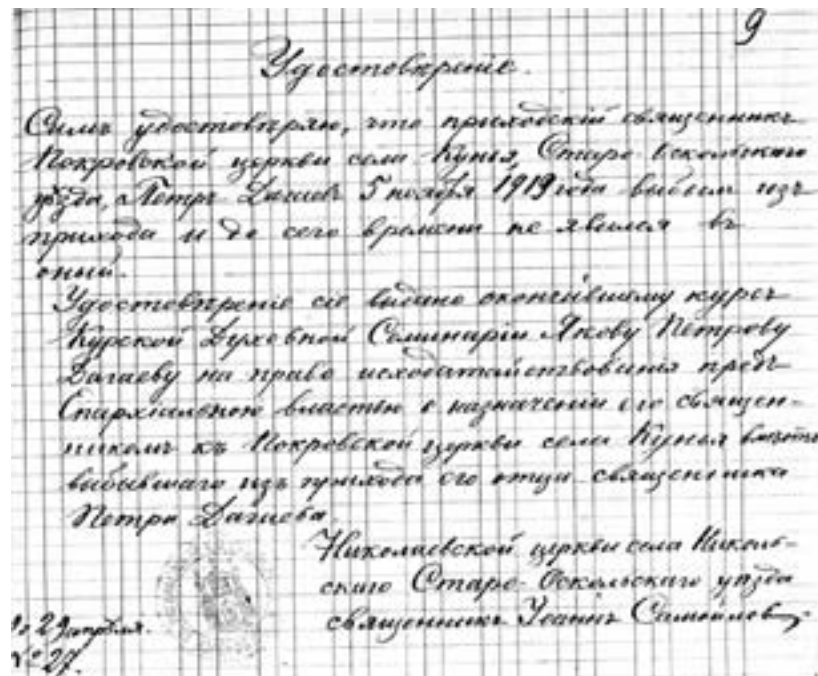
К концу XIX века в Кунье проживало 1062 человека. В селе имелось два хлебозапасных магазина, две маслобойни, винная лавка, водяная мельница [3. стр. 319]. Два раза в год проводились ярмарочные торги: летом после праздника Владимирской иконы Божией Матери и осенью после Покрова Пресвятой Богородицы [3. стр. 372].

С 1816 года по 1891 год в истории Покровского храма большой пробел. Никаких документов по этому периоду нам не удалось найти. Но можно предположить, что династия Дагаевых по-прежнему хранила верность родному приходу. С 1863 года и по начало XX века обязанности псаломщика в Кунье исполнял Василий Ильич Дагаев [7. стр.188]. 13 марта 1913 года к нашей церкви из храма в селе Присынок Старооскольского уезда был перемещен псаломщик Георгий Михайлович Дагаев. В послужных списках его характеризуют как человека «поведения очень хорошего» [10].

Но, несомненно, одним из самых ярких представителей этой фамилии является отец Петр Дагаев. До революции он был достаточно заметной фигурой в церковной жизни уезда. Входил в состав

благочиннического совета 4-го Старооскольского округа, избирался в ученый совет Старооскольского духовного училища. За тридцать с лишним лет служения в Кунье священник неоднократно поощрялся священноначалием.

Петра Петровича Дагаева рукоположили во священники Покровской церкви в 1891 году. 13 октября 1895 года у них с матушкой Варварой Васильевной родился сын Иаков. Восприемниками при его крещении были священник села Средние Апочки Алексей Петрович Мартынов и капитанская вдова Серафима Ивановна Молчановская из Старого Оскола. В 1911 году Иаков окончил Старооскольское

Удостоверение за подписью Священника Иоанна Самойлова, настоятеля Николаевской церкви в селе Никольское

духовное училище. А в апреле 1917 года получил свидетельство об окончании полного курса Курской духовной семинарии. В свидетельстве оговаривалось, что « в случае непоступления на службу по духовному ведомству, или на учебную службу в начальных и церковно-приходских школах Яков Дагаев обязан возратить духовному ведомству сумму, употребленную на казенное его содержание в семинарии, в размере 172 р. 50 коп.» Однако после всех потрясений, которые принес 1917 год, эта оговорка потеряла свою силу. Церковные школы прекратили существование после известного декрета 1918 года. А служба в духовном ведомстве превратилась в непрерывное исповедничество, нередко увенчивавшееся мученическим венцом. К такому подвигу не всякий выпускник духовной школы был готов.

Неизвестно как сложилась бы судьба Якова Дагаева, если бы в 1920 году он не получил предложение стать священником куньевской церкви. Дело в том, что его отец, настоятель храма, пропал без вести 5 ноября 1919 года. Всю зиму прихожане ожидали возвращения пастыря, а весной 24 марта 1920 года на сельском сходе в доме псаломщика Петра Игнатова избрали на его место нового кандидата. Факт четырехмесячного сиротства Покровской церкви подтвердил священник Иоанн Самойлов из села Никольского.

Яков Дагаев, «несмотря на тяжелое положение духовенства», дал свое согласие и написал прошение о рукоположении в священник сан на имя владыки Назария, архиепископа Курского и Обоянского.

«Покорнейше прошу Ваше Высокопреосвященство назначить меня временно исполняющим обязанность священника при Покровской церкви села Кунья (в документах тех лет часто встречается именно такой вариант написания названия села – прим.) Ястребовской волости Старооскольского уезда Курской епархии, на место отца моего, священника Петра Дагаева, находящегося в безвестном отсутствии». К прошению прилагалось свидетельство об окончании Курской духовной семинарии, метрическая выписка, протокол собрания граждан села Кунье, на котором присутствовали делегаты и из Ржавца, а также удостоверение священника Иоанна Самойлова из села Никольского, в котором он подтверждает факт долговременного отсутствия на куньевском приходе о. Петра Дагаева.

Ожидать положительной резолюции на это прошение нельзя было, не решив одного важного вопроса. Кандидат в священники

был до сих пор холост. Сам ли он нашел будущую матушку, или прихожане постарались – неизвестно. Но, тем не менее, 2 июня 1920 года в Христо-Рождественской церкви села Верхние Апочки Тимского уезда состоялось таинство венчания Якова Дагаева и Зинаиды Воейковой. А через две недели ставленник Я.П. Дагаев в Курске отвечал на вопросы ставленнической анкеты. Отпечатанные до революции формы допросного листа к тому времени уже все вышли, и Якову пришлось все писать самому. А, следовательно, это дало ему возможность еще раз испытать свое сердце и глубже прочувствовать важность и ответственность предстоящего служения:

«...Рукоположения в иерейский сан ишу для славы Божией и спасения души, с искренним намерением послужить Святой Церкви, как святых отцов правила и церковные уставы повелевают». Ставленник обязался «всякое священнодействие и молитвословие совершать по чиноположению церковному с благоговением, довольствуясь добровольным за то даванием от своих прихожан». Во время присяги накануне рукоположения Яков Дагаев клялся, что желает «проводить жизнь благочестивую, трезвенную, от суетных мирских обычаев устранившую, иметь в мыслях не свою честь или выгоды, но славу Божию, благо Святой Церкви и спасения ближних».

И вот 6 июля архиепископом Курским и Обоянским Назарием (Кирилловым) в Курском Знаменском соборе ставленник Иаков Дагаев был рукоположен в сан диакона. (При рукоположении руководил иеродиакон Иустин). А на следующий день в том же соборе, но уже епископом Рыльским Никоном (Пурлевским), викарием Курской епархии, новопоставленный диакон Иаков был рукоположен в сан иерея. (При рукоположении руководил иеромонах Иеремиа). 8 июля, отслужив вечерню, утреню и раннюю Литургию, священник Иаков Дагаев заслужил удовлетворительную оценку наблюдавшего за ходом службы иеромонаха Феофана и по указу епископа Никона был отпущен на приход в село Кунье. А там его ждали не только прихожане, но и вернувшийся из «безвестного отсутствия» отец.

В рапорте (третьем уже по счету!) иерей Петр Дагаев объяснял причины своего исчезновения:

«Сегодня возвратился сын мой священник села Кунье Иаков из Курска и сообщил, что епархиальным начальством ни один мой предшествующий рапорт о возвращении моем в приход не получен. Считаю долгом в третий раз сообщить Вашему Высокопреосвящен-

ству. В 1919 году я при исполнении своих обязанностей заразился сыпным тифом, который осложнился язвой кишечника. Епархиальное начальство, в виду тяжелой и продолжительной формы тифа заменило меня священником села Верхних Апочек Владимиром Дагаевым. Хотя я с августа 1919 года вступил в отправление своих обязанностей, врач Соболев предписал мне курортное лечение и настоятельно советовал начать лечиться в Пятигорске. В октябре Соболев возбудил ходатайство пред бывшим епископом Курским Феофаном о выдаче мне шестимесячного отпуска. Отпуск №686 прислан мне из Епархиального Совета в конце октября. Я собрался уезжать. О чем уведомил местного благочинного о.Козловского. До Пятигорска я не доехал, заболев 16 ноября в станице Кущевке Кубанской области возвратным тифом. Из последней я был сначала эвакуирован сопровождавшим меня сыном Владимиром в г. Ейск, а потом, в виду переполнения этого города больными и ранеными воинами, в станицу Долонанскую, где был помещен в общественный барак. В больнице этой станицы я пробыл до 6 июня 1920 года. Из больницы я послал первый рапорт Курскому епархиальному начальству о своей болезни как причине, не позволившей мне своевременно

3/17
1920
В Курск Епархиальное Управление
Учреждение Курск-Куньинское
№686 отпуск с. Верхних Апочек
Учреждение Курск-Куньинское
Феофан

Прогнание
Иаков Иванович Петрович (в ранней форме) по болезни, по болезни
или болезни К.З.У. Аугар или, в ранней форме при жде
о возвращении своем за 1920 год, уведомил о возвращении
своем Епархиальное Управление и Курское епархиальное начальство
К Курску Курское епархиальное начальство
1920 года июня 25 дня

Опись изъятого из нашей церкви

Между тем нет никаких оснований обвинять иерея Петра Дагаева в лукавстве. Известно, что до революции северные епархии поддерживали с южными курортно-лечебные отношения. В «Курских епархиальных ведомостях» за 1912 год, к примеру, было опубликовано письмо Епископа Таврического и Симферопольского Димитрия на имя Архиепископа Курского и Обоянского Стефана, в котором он призывал курское духовенство делать жертвы на строительство дополнительного корпуса для священно- и церковнослужителей в Сакской грязелечебнице. Так что отец Петр не был первооткрывателем юга. Он не бежал туда, а ехал поправлять здоровье.

Владыка Назарий не поставил под сомнение рапорт отца Петра Дагаева и распорядился оставить его в Кунье, а новопоставленного священника Иакова Дагаева переместить в село Верхние Апочки, в тот храм, в котором они с матушкой за два месяца до этого венчались.

Среди документов, по которым мы восстановили события тех далеких лет, имеется одно печальное прошение, датированное 29

явиться на приход и послал второй рапорт о своем возвращении, а равно и о том, что Особотделом Югозападного фронта (постановление №2824) мне дан пропуск в село Кунье и снято с меня обвинение в уходе с белыми при наступлении красной армии. О чем довожу до сведения Вашего Высокопреосвященства, ожидаю Вашего Архипастырского распоряжения».

Под рапортом какой-то неразборчиво подписавшийся доброжелатель из епархиального совета сделал карандашом приписку: «По алфавиту не имеется выписки, что Дагаеву был выдан отпуск».

июля 1924 года:

«Имея желание перейти в гражданскую службу, покорнейше прошу Курское епархиальное управление выдать мне, находящиеся при деле о рукоположении за 1920 год, свидетельство об окончании Духовной семинарии метрическую выпись о рождении. К сему – священник Иаков Дагаев» [11].

На прошении – резолюция епископа Сергия (Зверева), в ту пору придерживавшегося обновленческих взглядов [12. стр. 90], но впоследствии принесшего покаяние и пострадавшего за Христа. (Прославлен в сонме Новомучеников и исповедников Российских на Архиерейском соборе 2000 года). Владыка Сергей распорядился, чтобы все просимые документы были выданы. На какую гражданскую службу устраивался отец Иаков – не уточнено. Но по всей видимости, эта служба не мешала богослужению. В документах 1930 года он по-прежнему проходит в качестве священника Верхне-Апоченского храма.

Тайник как напоминание о гонениях

Священник Петр Дагаев служил в Кунье до 1929 года. То есть во время кампании по изъятию церковных ценностей он по-прежнему оставался настоятелем Покровского храма. Сюда эта советская акция докатилась 16 мая 1922 года. Уездная подкомиссия по изъятию (в составе Павла Никаноровича Базарова, Стефана Бурцева и Нефедова) вывезла из куньевской церкви 15 предметов общим весом в семь фунтов 29 золотников. Как указано в протоколе, «группе верующих» оставлены сосуд, Евангелие, два креста, дарохранильница и кадило. Стоимость всего этого прихожане храма обязаны были выплатить государству [13].

Угроза различных «изъятий» висела над Русской Церковью весь ее советский период. Не удивительно, что христиане старались принять меры к тому, чтобы в случае очередной кампании в приходах не замерла литургическая жизнь. Уже в 1990-е годы в вентиляционной шахте под алтарем куньевского храма был найден набор евхаристических сосудов. Этот тайник – напоминание о годах гонений.

В старину прихрамовая территория выглядела совсем не так, как сейчас. Во-первых, с восточной стороны церкви, там, где ныне выпас, находилось сельское кладбище. Но уже перед войной для погребения

Потир, звездница и напрестольный крест, найденные в вентиляционной шахте

отвели новое место, и к нашим дням от древнего кладбища не осталось и следов. Сюжной стороны храма были церковные сады. О них тоже теперь ничто не напоминает. В здании церковной сторожки, располагавшемся несколько западнее современного, долгие годы осваивали грамоту ученики начальных классов. Двор храма был ограничен красивой кованой оградой. Стекла в окнах церкви имели разные цветные оттенки, отчего проникающий внутрь храма простой дневной свет окрашивался в различные цвета и подчеркивал бытовое назначение этого помещения.

Отстояли свою церковь

Тысячелетний юбилей крещения Руси, отмечавшийся в 1988 году, стал точкой отсчета возрождения церковной жизни в нашей стране. Или, по меткому выражению Святейшего Патриарха Алексия Второго, «вторым крещением Руси». К началу юбилейных торжеств куньевский храм оказался единственным храмом во всей округе, в котором богослужения совершались и в сталинские морозы, и в хрущевскую оттепель, и в брежневский застой. В Никольском, Ястребовке, Головище церкви были полностью разрушены. В Бараново, Средних Апочках использовались под склады.

Попытки сравнять с землей и наш храм предпринимались неоднократно. Когда в Кунье в разведку приехали эксперты по разрушению церквей, они не смогли попасть внутрь храма. Женщина, у которой хранились ключи от увесистого замка, убежала от непрошенных гостей огородами. Одна бабушка помнит, как ее отец вынимал

из-под матраца припрятанные на черный день деньги для уплаты взятки очередным «идейным борцам» с религиозным мракобесием.

Рассказывают, что ктитор нашей церкви Егор Федосеевич Игнатов (из хутора Игнатов) за отказ публично снять с себя свои церковные обязанности и отречься от Христа отправился на Соловки. Вместе с ним в Соловецкий Лагерь Особого Назначения (СЛОН) конвоировали и его сыновей. Сыновья из заключения уже не вернулись. Егор Федосеевич выжил в лагере, но возвратиться в родной хутор тоже не смог. После повального «раскулачивания» этот населенный пункт попросту прекратил существование. Жили в Игнатове богобоязненные и работающие люди. Леня считали страшным грехом. Несмотря на отсутствие в хуторе колодца, не унывали. Воду привозили из Кунье, крепко держались за землю, трудились в поте лица и спали на кулаках. Так что, можно сказать, что в кулаки их записали справедливо. Избежать ареста и ссылки удалось лишь нескольким хуторянам, которые заблаговременно сменили место жительства.

Егор Федосеевич после отбытия срока наказания нашел приют у родственников в Федосеевке. Там он и умер несколько месяцев спустя.

В 1929 году был судим за невыполнение хлебозаготовок и священник Покровского храма в селе Кунье иерей Петр Дагаев. Он был лишен всего имущества, но остался на свободе. В конце года он вышел на покой и поселился у дочери в Старом Осколе. А в апреле 1930 года священномученик Онуфрий (Гагалюк), в ту пору епископ Старооскольский, назначил его настоятелем в село Архангельское Баброво-Дворского района. В декабре отца Петра судили повторно. Его объявили организатором контрреволюционной группировки, агитировавшей против колхозного движения, признали виновным по статье 58 УК и сослали в северные края на три года. О том вернулся, ли престарелый священник из этой ссылки, у нас не имеется сведений. В 1992 году он и все, кто проходил с отцом Петром по одному делу, были признаны безвинно пострадавшими и реабилитированы [14].

Заккрытие церквей в Ястребовском районе

Незадолго до начала Великой Отечественной войны Покровская церковь в селе Кунье была все-таки закрыта. Можно даже указать

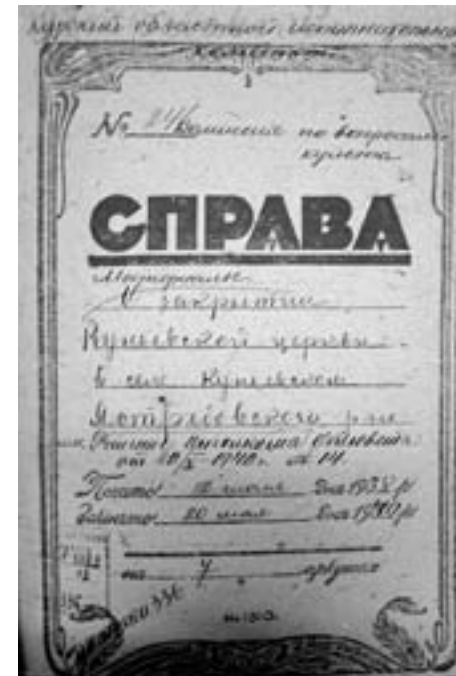
точную дату этого печального события – 20 мая 1940 года. В тот день исполнительный комитет Курского облсовета депутатов трудящихся подписал «смертный приговор» сразу 11 храмам, находившимся в разных районах Курской области. А всего в 86-ти районах, на которые делилась область, в 1940 г. и первой половине 1941 г. власти закрыли 248 церквей.

а) Никольское. «Если верующих нет, то кто же жалуется в Верховный Совет?»

Село Кунье в ту пору относилось к Ястребовскому району, на территории которого до революции было 12 храмов. К 1939 году 8 из них уже были официально закрыты и использовались под различные хозяйственные нужды: склады, мастерские МТС и автоколонну. А четыре церкви (Барановская, куньевская, никольская и репецкая) в отчетах районного начальства перед областным проходили как «бездействующие». Богослужения в них не совершались, в связи с отсутствием священников. Сами храмы были завалены зерном. Но официального решения об их закрытии не существовало. Все-таки они считались молитвенными зданиями, которые временно используются не по назначению. И в каждом из этих сел были люди, которые не просто ждали, но и приближали час возрождения нормальной церковной жизни. Хотя представители местной советской власти пытались убедить вышестоящие инстанции и самих себя в том, что церковные общины по всему Ястребовскому району распались.

Особенно отличился в те годы секретарь Ястребовского райисполкома Помельников, человек напористый и малограмотный. В его эпистолярном наследии частенько встречаются грамматические шедевры, типа слова «кумполо» и несогласовка частей речи, вроде: «община верующих нарушило». Помельников лично объезжал готовящиеся к закрытию храмы – агитировал, критиковал, запугивал. Словом, оказывал давление на местное население. Редкий советский руководитель проявлял такую настойчивость в истреблении храмов. Руководство области вынуждено было сдерживать антирелигиозный пыл районного начальства.

Летом 1938 года на заседаниях президиума Ястребовского райисполкома рассматривался вопрос «о нежелании верующих Куньевского, Барановского, Никольского и Репецкого сельсоветов исполь-

Титульный лист дела о закрытии нашего храма

зовать для удовлетворения религиозных потребностей здания и имущества церквей». Выписки из протоколов этих заседаний были отправлены в исполком облсовета с просьбой о закрытии храмов и их последующей передаче «на культурные цели». Член президиума облисполкома Чеботарев, исполнявший обязанности секретаря, ответил на прошение Ястребовского РИКа таким письмом:

«Ходатайство Президиума Ястребовского райисполкома о закрытии церквей в Кунье, Бараново, Никольском и Репце утверждено Президиумом облисполкома быть не может по следующим мотивам:

1. В деле имеются справки сельсоветов, что религиозных общин нет, а кто же

жалуется в Президиум Верховного Совета РСФСР, если религиозная община распалась?

2. По Никольской церкви в постановлении Президиума РИКа говорится, что церковный совет отказывается от ремонта церкви, а в жалобе, поступившей через Президиум Верховного Совета РСФСР, говорится, что церковный совет не допустили производить ремонт, а также аналогичные просьбы и по остальным церквям. Поэтому Облисполком рекомендует провести политико-массовую разъяснительную работу среди трудящегося населения с тем расчетом, чтобы трудящиеся дали подписку на закрытие выше указанных церквей...»

Область требовала, чтобы в результате агитации свою подпись

под ходатайством о закрытии церкви поставило не менее 75% взрослого населения сел. Как шел сбор подписей, нетрудно догадаться. Но в делах по этим церквям списков нет. За то имеются жалобы верующих в Верховный Совет РСФСР на незаконные и грубые действия местных властей. Не менее трех писем отправили в Кремль члены «двадцатки» Никольской церкви. А до этого трижды и безуспешно никольцы жаловались в Курский облсовет. В своей жалобе они описывали некоторые подробности захвата храма властями.

В 1938 году власть имущие приказали ктитору церкви Анне Григорьевне Турбиной открыть храм, объяснив ей, что властям необходимо провести проверку молитвенного здания. В храме гости потребовали у Турбиной ключи. Та отказалась подчиниться требованию без согласия всего церковного совета. Тогда председатель сельского совета вытолкал женщину из храма и замкнул двери своими замками. А церковные замки и ключи остались у ктитора. С этого момента верующих уже в храм не пускали.

Церковную общину обвиняли в том, что она отказалась делать ремонт. А церковная община жаловалась, что ей не дают приступить к ремонту.

«Это ли не является извращением революционной законности? – зывали никольцы к большевистской совести властей. – Община верующих возмущена такой несправедливостью... Мы вынуждены обратиться к Высшей Власти с просьбой передать церковь нам. Ставим вас в известность, что наша церковь никакой опасностью не угрожает, так как она кирпичная и еще новая. А от ремонта мы не отказываемся и обязуемся выполнить его полностью. Просим предоставить нам право использовать церковь для служения в таковой... За что будем вам очень благодарны. О результатах сообщите на имя ктитора церковного совета Турбину Анну Григорьевну».

4 сентября 1938 года тов. Петренко, зам. Управляющего Делами Президиума Верховного Совета РСФСР, попросил Курский облисполком проверить жалобу ктитора Турбиной «по существу» и «принять меры к установлению законного порядка».

16 мая 1939 года Секретариат Президиума Верховного Совета РСФСР напомнил Курскому исполкому о своей просьбе, «в связи с вновь поступившей жалобой». А 5 октября ему вновь пришлось просить курскую власть «ускорить рассмотрение жалобы», вторично направленной. Курск ускорил... закрытие.

Свято-Никольский храм в селе Никольское был закрыт по решению облисполкома 25 июля 1940 года.

Но и закрытые церкви зачастую превращались в яблоки раздора. Сельская и районная власти зачастую имели на них разные виды. Претендовало на церковные здания и руководство колхозов. Поэтому соискатели церковного наследия за соломоновым решением обращались в область. А председатель Никольского сельского совета М. Фомин через месяц после закрытия местной церкви направил свое ходатайство о переоборудовании молитвенного здания под клуб в Президиум Верховного Совета РСФСР.

б) Бараново.

Храм закрыт «по техническим причинам»

Жаловались в Верховный Совет на произвол сельской и районной властей и жители села Бараново. В 1937 году они сами без всякого напоминания со стороны властей покрасили крышу своего храма, застеклили окна и вообще привели церковь в порядок. Вдруг 19 августа, в праздник Преображения Господня, колхозное начальство, не предупредив церковный совет, дало команду ссыпать в помещение храма зерно. В результате такой стремительной атаки многие вещи в церкви оказались засыпаны или сломаны. Вскоре окна вновь были разбиты, все в храме перевернуто вверх дном и исчезли всякие следы недавнего ремонта. Тут-то и нагрянула районная комиссия во главе с секретарем Помельниковым. По акту, составленному членами этой комиссии, Президиум Ястребовского РИКа, на котором верховодили Киреев и тот же Помельников, направил в область прошение о закрытии Барановской церкви и передаче ее для школьного строительства. Просители намеренно сгущали краски, чтобы произвести впечатление на областное руководство. «Вследствие отсутствия ремонта здание церкви пришло в непригодность для дальнейшего использования, – писали они, – крыша ржавлена, на перекрытии имеются затеки и трещины, штукатурка стен осыпалась. Церковь засыпается зерном. От ремонта община верующих отказалась».

Последнее утверждение было откровенной ложью. Церковный совет барановской церкви, обращаясь с жалобой в культовую комиссию Курского Облисполкома, указывал, что районная комиссия не

захотела общаться с верующими, не приняла их заявления и вообще отнеслась к проверке пристрастно. Барановцы напоминали, что они и «без всякой комиссии производили ремонт». «И в настоящее время, если нам возвратят церковь, то мы не прочь сделать ремонт», – уверяли верующие. Под письмом подписались Прасковья и Павел Серых, Ирина Мелихова, Анна и Пелагея Овсянниковы, Екатерина Игнатова, Александр и Ульяна Селезневые, Ирина Денисова, Акулина, Марфа и Мария Лихачевы и председатель церковного совета С. Горохов.

А вот необходимого процента голосов за закрытие церкви в Бараново властям не удалось собрать. Налицо были незаконные действия РИКа. Тогда культурная комиссия облисполкома обратилась за юридической поддержкой к областной прокуратуре. Помощник облпрокурора Быкова подыграла Ястребовскому РИКу. Она заявила, что храм в Бараново закрыт на законных основаниях, так как его закрытие производилось не по решению граждан, а «по техническим причинам».

Однако Информационно-статистический отдел при Президиуме Верховного Совета РСФСР в начале 1939 года дважды попросил ускорить решение вопроса об освобождении церкви в селе Бараново из-под зерна и передаче ее верующим.

Сельские и районные власти продолжали утверждать, что барановская община верующих распалась, в разных документах указывая разное время: то с 1928 г., то с 1937 г. Заведующий общим отделом Курского облисполкома товарищ Ансон 22 мая 1940 года указал Ястребовскому РИКу на разногласия, имевшиеся в деле о закрытии барановского храма. Жалобы от «несуществующей» общины верующих продолжали поступать в Москву и Курск и в 1938 году, и в 1939 году. Тов. Ансон просил ястребовское руководство проверить имеющийся материал, выслать справку сельсовета с указанием, когда именно община верующих распалась. Только после этого ответственный советский работник обещал поставить вопрос о закрытии молитвенного здания на разрешение облисполкома. На эти формальности Ястребовскому РИКу потребовалось менее трех месяцев. 14 августа 1940 года храм Тихвинской иконы Божией Матери в селе Бараново был закрыт по решению исполкома Курского облсовета. Вопрос этот внес член облисполкома тов. Селезнев. По его версии, община верующих в Бараново распалась... в 1932 году.

Во время Великой Отечественной войны появились – таки те технические причины, по которым барановская церковь стала непригодной для богослужения. Виною тому был пожар, выжегший весь интерьер храма.

Церковь намеренно или нечаянно подожгли пленные мадьяры, которых конвоиры определили туда на ночевку. Тушили пожар всем селом. Но уж больно далеко речка, откуда приходилось носить воду ведрами. Под шумок некоторые пленные разбежались по окрестностям. Наши солдаты их потом выловили по погребам и угнали на восток. Проявивших недовольство расстреляли у деревни Луги.

в) Кунье.

Использование церкви «на культурные цели».

Судя по косвенным данным, Покровский храм лишился священника в 1936 году. Кто в тот год служил в Кунье, нам неизвестно. Можно предположить, что священник был арестован (что вполне вероятно) или умер от старости и болезней (что менее вероятно).

Из членов церковного совета Покровского храма в селе Кунье районным властям удалось еще 30 августа 1938 года вытянуть подписку об отказе от ремонта церковного здания «из-за неимения церковных средств». История сохранила и имена подписавшихся. Это были Маклаков Иван Иванович, Сотникова Мария Михайловна, Дагаева Анна Антоновна, Косарева Анастасия Никитовна, Лихачева Ксения Стефановна и Анна Иосифовна (фамилия неразборчива).

Акт о техническом состоянии куньевской церкви составлял все тот же секретарь РИКа Помельников при участии райисполкомовского техника Маликова, председателя Куньевского сельсовета Панкова и зам. директора Куньевской начальной школы Афанасьевой, а также представителя церковной общины Косаревой А.Н. Комиссия установила, что по стенам храма имеются трещины, штукатурка осыпалась, крыша заржавела, кирпич разложился, стекла наполовину побиты. Короче, без ремонта «здание церкви для пользования верующими непригодно». И ремонт этот надо сделать в месячный срок. А верующие честно признались, что за такой срок такой объем работы, да еще в пору уборки урожая, они выполнить не смогут. К тому же и средств для ремонта не имелось. По оценке райисполкомовского техника, требовалось не менее 1800 рублей.

Ястребовский РИК еще 15 июля 1938 года решил просить облисполком передать церковное здание на строительство неполной средней школы. Областной исполком дал добро лишь 20 мая 1940 года, передав церковь району «для использования на культурные цели».

Решение о закрытии церкви в селе Репец было вынесено властями три с половиной месяца спустя – 9 сентября. Таким образом, в 1940 году были закрыты все храмы Ястребовского района [15]. В Ясеновском районе в том же году закрыли две церкви: в Роговом – 18 июля и в Кулевке – 19 августа [16]. Последний храм Горшеченского района также прекратил свое юридическое существование в 1940 году – 5 августа. Это была церковь во имя Казанской иконы Божией Матери в селе Ключ [17].

Молитва за русских солдат в германском тылу

В 1942 году перед отступлением советской армии остававшимся в Кунье жителям показали документальный патриотический фильм, в котором солдаты противника были показаны настоящими зверями, не щадящими ни стариков, ни детей. Каково же было удивление куньевской детворы, когда в село приехал велосипедный отряд мадьяров и захватчики стали угощать детей шоколадками. Местные ребята предположили, что их хотят отравить, но сладкое угощение съели. Для взрослых оккупанты приготовили свои конфетки...

В годы Великой Отечественной войны на оккупированной немцами территории Курской области было открыто 332 храма. Оккупационные власти рассчитывали использовать «чувства верующих» для борьбы с Советской Россией. Однако, как заметил английский журналист А. Верт, православные «церкви стали центрами «русизма» вопреки ожиданиям немцев, что церкви превратятся в очаги антисоветской пропаганды» [18. стр. 417]. Русские женщины молились в открытых храмах не о победе немецкого оружия, а о здравии своих мужей и детей, воевавших в Советской Армии.

В число храмов, открытых в этот период, входил и куньевский. С той поры он уже не закрывался.

Говорят, что во дворе храма похоронен немецкий офицер, якобы убитый русским снайпером. Местные жители уверены, что он стал жертвой внутренних разборок. «Вредный этот офицер был, вот его и застрелили солдаты-мадьяры, которых он обижал».

Известно, что до 1946 года в Кунье служил протоиерей Всеволод Петрович Лебедев. Но был ли он здесь при немцах или получил назначение на куньевский приход позднее, пока не выяснено. Отец Всеволод был переведен в Крестовоздвиженский храм города Старый Оскол, где скончался 19 июля 1948 года.

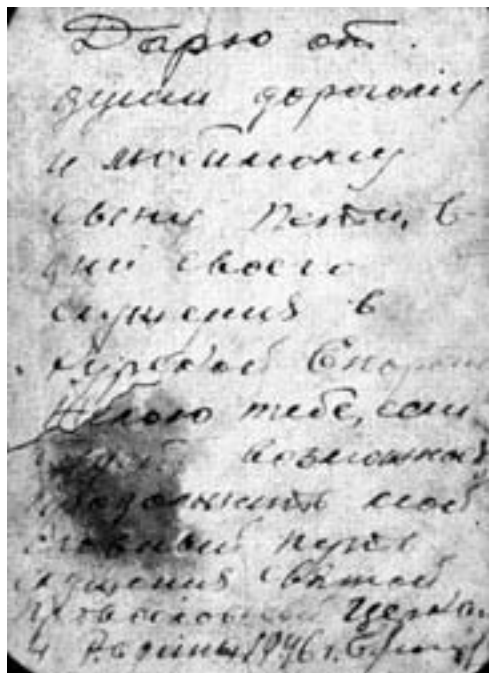
Преемником отца Всеволода в Кунье стал священник Георгий Васильевич Евланников. Его жизненный путь, как и путь многих священнослужителей сталинского времени, был насыщен трагическими событиями.

В 1930-е годы отец Георгий попал под суд. По свидетельству сына Сергея, священник с теплотой вспоминал о своих союзниках – старых революционерах. Они научились искусству выживания в тюремных условиях еще при царе и щедро делились опытом с жертвами нового режима, невзирая на их религиозные убеждения. Благодаря советам старых большевиков, отец Георгий выжил в заключении и вышел на

Могилка священника
Всеволода Лебедева

свободу накануне Великой Отечественной войны. Однако подавляющее большинство церквей в стране к этому времени было закрыто или разрушено, служить в храме он не имел возможности. Чтобы как-то прокормить семью, Священник уехал искать работу на Донбасс. А в период оккупации он оказался в фашистском концентрационном лагере. Но и там Господь сохранил отца Георгия да еще и сподобил после освобождения вернуться к служению в Церкви. Священным саном он очень дорожил, что видно из дарственной надписи, сделанной на обороте фотографии. Этот снимок отец Георгий подарил своему сыну Петру, также ставшему священником. (Иерей Петр Евланников служил в Вознесенском храме города Старый Оскол и в Воронеже).

Автограф на обороте
фотокарточки, которую отец
Георгий Евланников подарил своему
сыну Петру

С 1946 по 1948 год священник Георгий Евланников был настоятелем Покровского храма в селе Кунье. Затем служил он в Репце, в Старом Осколе (в Александро-Невском храме) и наконец в Воронеже. Там он похоронен в 1961 году.

Отца Георгия сменил игумен Николай (Москаленко), который служил в Кунье почти четверть века (с 1948 по 1972 гг.). Говорят, до войны он подвизался где-то на Украине. Оказавшись в наших краях, он сначала служил в храме св. великомученика Димитрия Солунского в селе Репец. Жил там на квартире у бухгалтера колхоза Ивана Андреевича Шабалова. На лето переселялся в сарай. Туда к нему частенько заходил на беседы сам пред-

седатель колхоза Иосиф Афанасьевич Бакланов.

Это был очень интересный человек. В свое время Иосиф взял себе в жены Александру дочь местного священника Василия Севастьяновича Алпеева. Все были против этого брака. И члены комсомольской ячейки, в которой состоял Иосиф, и отец избранницы. Батюшка с матушкой установили за дочерью круглосуточный контроль и никуда ее от себя не отпускали. Однажды во время церковной службы Александра, пожаловавшись маме на головокружение, вышла из храма и исчезла. К тому времени, когда отец Василий закончил литургию и собрался на поиски дочери, ему сообщили, что она уже

обвенчалась с Иосифом в другом селе.

Отец Василий сначала прервал с послушниками всякое общение. Но затем, когда пошли внуки, смягчился, все простил и дал родительское благословение на семейную жизнь.

Родство с духовенством и участие в таинстве венчания негативно сказались на карьере молодого комсомольца Бакланова. На какое-то время он даже был вынужден уехать из родного села. Однако потом все улеглось.

Свой век Иосиф Афанасьевич и Александра Васильевна дожидали в Кунье. Сюда их перевезла дочь Вера, в замужестве Еренкова. И в старости Иосиф не потерял нежных чувств и являл собой образец заботливого мужа. Вспоминают, как он прутиком отгонял от окошка расшумевшихся гусей, которые мешали отдыхать его супруге. В середине 1980-х по соседству с четой Баклановых жил отец Ипполит (Халин). Дедушка Иосиф любил с ним разговаривать, также, как и когда-то с отцом Николаем.

В Кунье игумен Николай квартировал у Николая Павловича и Агафьи Андреевны Чучуковых. Николай Павлович с 1946 года исполнял обязанности церковного старосты, пек просфоры и плотничал в храме. В 1955 году Н.П. Чучуков умер, и старостой стала его супруга. Баба Ганя (так ее называло большинство жителей села) оставалась на своем посту целых 23 года. Ездил в Курск с отчетами, выбивала у местных представителей советской власти разрешение на проведение ремонтных работ в церкви. На литургии читала «Апостола», если подходящего кандидата для чтения не находилось.

Игумен Николай Москаленко, по свидетельству его современников, жил очень бедно. Личных вещей у него почти не было. Те, кто заходил к нему в келью, видели стол, кровать и много-много церковных книг и журналов. Эту литературу батюшка давал читать всем желающим. Крепким здоровьем отец Николай не отличался. Особенно сильно болела нога. Большие расстояния он преодолевал с трудом. А ходить приходилось много. Летом 1953 года батюшка даже просил у епархиального архиерея «благословение и разъяснение»: «Имею ли я право купить мотоциклет для обслуживания прихода». Ездил ли игумен Николай по селу на «мотоциклете» или нет, никто не помнит. Умер он (от онкологического заболевания) в 1972 году и, по обычаю советского времени, был погребен на общем кладбище. Однако в 2000 году, по благословию митрополита Курского и Рыльского Ювена-

лия, останки бывшего настоятеля удалось перезахоронить. Теперь его могила находится там, где и должна быть могила священника, – во дворе храма за алтарной стеной.

Приходской помяник

В приходском помянике есть имена не только почивших священнослужителей. Молимся мы и о упокоении чтеца Прокопия Васильевича Завьялова, певчего Федора Андреевича Харькина, алтарников Ивана Васильевича Рыкова и Ивана Давидовича Санькова, певчих сестер Елены Косаревой и Анны Косиновой. И многих других, трудившихся и молившихся в Покровском храме. О каждом из них сохранилось совсем не много информации. К примеру, вспоминают, что чтец Прокопий был женат на дворянке, играл на скрипке, руководил церковным хором. Тех, кто во время пения фальшивил, добродушно величал воронами. Послушание псаломщика нес с 1906 года. После войны некоторое время был псаломщиком в Вознесенском храме, что в Казацкой слободе города Старый Оскол. С теплотой вспоминают старожилы Марию Шестакову. Ее за тихую и праведную жизнь все в селе называли монашкой. В то время, когда в храме не совершалась служба и он использовался в качестве зерносклада, Мария сберегла от святотатцев и коцунников вышитую золотом плащаницу. Однако святотатцы последующих времен плащаницу эту все-таки похитили.

В 1940-1950-е годы приезжала в наш храм молиться монахиня Агния из Ржавца. Похоронена она на куньевском кладбище.

Двоих сыновей (двенадцати и тринадцати лет) похоронила в один день Елена Макаровна Косарева. Перед войной они с мужем жили на Донбассе. А когда супруг ушел на фронт, Елена с мальчиками вернулась в родное Кунье. Здесь ее дети решили поиграть с найденной гранатой и нашли свою смерть. Их товарищ, третий участник смертельной игры, остался жив, но лишился глаза. Вскоре в дом Елены Макаровны пришло еще одно трагическое известие – погиб муж. Пережить горе этой женщине помогла только вера в Бога, служению Которому она и посвятила всю свою оставшуюся жизнь. Ее редкой красоты голос до сих пор вспоминают куньевские прихожане старшего поколения.

Хоть и проводила советская власть мероприятия по ликвидации безграмотности, в предвоенные годы одним из самых грамотных людей на селе был Иван Васильевич Рыков, окончивший еще при

царе четыре класса церковно-приходской школы. Отличался он от других грамотеев и каллиграфическим почерком, за что и попал в секретари сельского совета. По словам внучки Галины, в период оккупации Иван Васильевич спрятал сельсоветовскую документацию и знамя. Об этом стало известно оккупантам. Трижды Рыкова выводили на расстрел, и трижды Господь миловал его. И душа в теле осталась, и знамя – под стрехой.

Уйдя на пенсию, Иван Васильевич смог больше времени посвящать церковным делам. Прислуживал батюшке в алтаре. Печалило Рыкова, что не все из шести его детей имели твердую веру. А старший сын и вовсе демонстративно подчеркивал свое неверие. Иван Васильевич ездил вразумлять сына, невзирая на то, что тот был уже взрослым человеком и занимал довольно ответственный пост – работал директором школы в Лукьяновке.

Отмечают, что в послевоенные годы в церковь ходило много мужиков. И вера их была не поверхностной, не показной, а искренней и глубокой. В это трудно сейчас поверить, но в храме нашем было два хора: мужской и сводный.

Жители села прилагали немало сил для того, чтобы куньевский

Чтец Прокопий Васильевич Завьялов

приход был живым организмом, способным противостоять вирусам безбожия. На скудные средства ухитрялись проводить добротные ремонтные работы. Матери и бабушки явно или тайно крестили своих новорожденных детей и внуков, невзирая на запреты. Приводили детей в храм на большие праздники, за что получали свою порцию гонений от партработников и советских педагогов. Вода смирения точила камень богоборчества. И в итоге многие из вчерашних гонителей оказались нынешними богомольцами.

Долгое время среди жителей окрестных сел сохранялась традиция приезжать в Кунье на церковные службы с вечера. Местные

Алтарник Иван Васильевич Рыков и его супруга Евдокия Дмитриевна

жители с готовностью предоставляли паломникам ночлег, даже если это были не их родственники или близкие. Считали так: раз приехал человек помолиться, значит, ничего плохого он причинить не может. Так что в большие праздники население Кунье значительно увеличивалось.

Наибольшее число паломников, разумеется, приходило накануне Светлого Христова Воскресения.

Развитие транспорта и улучшение дорог значительно сократили расстояние между селами. Необходимость в ночевке отпала. И тем не менее почти угасшая традиция еще жива. Поддерживают ее «безлошадные» горожане и баба Маша из Ржавца. Несмотря на свои 84 года и сопутствующие такому возрасту болезни, она регулярно добирается рейсовым автобусом на вечерние службы. Путь от остановки до храма паломница проходит за полтора часа. В селе она ночует у знакомых. Утром исповедуется, причащается и с надеждой выглядывает на дорогу: не едет ли за ней сын на своей машине.

«Титоры» и «титорики»

«Положение об управлении Русской Православной Церкви», принятое под нажимом светских властей в 1961 году, низводило священника со всем клиром до уровня обслуживающего персонала. Фактически устранив духовных лиц от управления приходом, власти стремились превратить их лишь в бесправных требоисполнителей. Вероятно, с этого времени высокие слова «служить Богу» в обиходе все чаще вытеснялись приниженным словосочетанием «работать в

церкви». Хватало примеров, когда приходские советы пытались пасти пастырей. Батюшек принимали на работу, увольняли, перегоняли с места на место, не позволяя завязаться теплым и доверительным отношениям между священником и прихожанами. И порой священник на приходе чувствовал себя не среди кротких овец, а в окружении хищных волков. Он совершал службу не благодаря помощи членов церковной двадцатки, а вопреки их действиям, используя плохое вино, экономя уголь и ладан, в давно неремонтированном храме.

Такова была специфика хрущевских гонений на Церковь. Власти стремились разложить церковный организм изнутри, что называется, на клеточном уровне. Местные уполномоченные по делам религии зачастую утверждали в должности церковного старосты людей абсолютно не церковных и равнодушных к религиозным вопросам. При таком положении на приходах неизбежно возникали разногласия, а то и столкновения. Приходили в движение дремлющие в каждом из нас страсти. Распускались сплетни, плелись

Куньевские школьники в 1954 году

интриги. Любая попытка священника вмешаться в дела приходского управления рассматривалась как превышение своих полномочий, каравшаяся переводом на другой приход, а то и вовсе запрещением в служении. Иные священнослужители проявляли слабость и не удерживались на подобающей духовному лицу высоте, другие становились жертвой злых языков. Все шло к тому, что в жизни советских людей все больше места занимал телевизор и вот-вот по нему должны были показать последнего попа.

Однако такая система церковного управления, закрепленная, кстати сказать, Уставом 1971 года, пришла к своему апогею (он же явился и кризисом) в период кардинальных изменений в сфере государственного управления. Новый Устав вернул к делам церковного управления тех, кто видит в приходе не только организацию, но и организм. Но вместе с правами на настоятелей обрушился груз хозяйственно-финансово-юридических обязанностей, требующих от священников колоссальных сил, умений и отнявших уйму времени.

Куньевскому приходу в определенном смысле повезло. Здесь люди неверующие в приходском совете никогда не играли первую скрипку. Наоборот, «титоры» и «титориhi» (так по-старинному называли у нас церковных старост, от слова «ктитор» – попечитель) душой болели за дела церковные.

В годы войны церковным старостой был избран Иван Климович

Александра Васильевна Агеева была ктиторм нашего храма в 1985-1997 гг.

Лихачев. В 1946 году его сменил Николай Павлович Чучуков. После смерти Чучукова в 1955 году старостой стала его супруга Агафья Андреевна. С 1978 года эти обязанности какое-то время исполняла Нина Прокофьевна Гошенко, затем – Анна Макаровна Косинова. В 1983 (или 1984 году) Анна Макаровна тяжело заболела и передала свои полно-

мочия Зое Ефимовне Рассохиной. А с 1985 года старостой была Александра Васильевна Агеева.

Сейчас официально председателем приходского совета является настоятель. А его заместителя иногда неофициально называют старостой. Уже много лет в Кунье этот пост занимает Раиса Егоровна Обухова. Себя она скромно именует «правой рукой батюшки».

Икона со следом от пули

В середине XIX века из Старого Оскола на Афон отправилась большая группа старооскольцев (17 человек). Был среди них и купеческий сын Иван Павлович Соломенцов – будущий иеросхимонах Иероним, духовник и восстановитель Свято-Пантелеимского монастыря.

Русские афониты не только молились за свою Родину, но и не порывали с ней эпистолярного общения. Старец Иероним присылал в Старый Оскол своим духовным чадам и родным письма с наставлениями и советами. Благочестивые старооскольцы старались поддерживать далекий монастырь материально. Жертвовали, кто сколько мог. Афонские иноки в благодарность за заботу присылали иконы.

Иконы афонских мастеров сохранились в Александро-Невском соборе, Крестовоздвиженском, Ильинском и других старооскольских храмах. Есть такие иконы и в Кунье. Это образ Божией Матери «Иверский» и образ великомученика и целителя Пантелеимона. На оборотной стороне Иверской – надпись: «Икона сия писана и освя-

Николай Павлович Чучуков (крайний слева) был ктиторм с 1946 по 1955 гг.

Книга инвентарной описи на 1947-48 гг.

щена на святой горе Афонской в русском св. Великомученика и Целителя Пантелеимона монастыре, от коего послана в храм Покрова Пресвятой Богородицы в Кунью, в благословенные христоробивым людям, в благодатную помощь, покров и заступление всем с верою и любовью притекающим к Всеблагой Владычице мира и умиленно молящимся к Ней пред Пречистым Ея образом.

А на иконе св. Пантелеимона, помимо афонского автографа и капсулы с частичкой мощей святого, имеется еще и след от пули...

Наш храм неоднократно посещали воры, специализирующиеся на церковном антиквариате. Проникали и через дверь, и через окна. Правда, чаще всего они бывали разочарованы. Ни серебряных, ни

золотых изделий в храме давным-давно нет. Они исчезли еще на заре советской власти после первой волны изъятия церковных ценностей. Икон, которые можно было бы переправить на заграничный аукцион, у нас тоже не имеется. Поэтому огорченные воришки тащили все, что блестит, и все, что кажется старинным: металлические евхаристические сосуды, бумажные иконки в резных рамочках. Большинство из украденного мы потом находили на пустыре у храма. Чтобы не искушать неискушенных воришек, нам пришлось установить в церкви сигнализацию.

В народной памяти сохранилось множество поучительных историй о трагической судьбе тех, кто посягал на храмы Божии. И это не приходской фольклор, а факты церковной истории. Рассказывают и у нас об одном местном жителе, дерзнувшем выстрелить в икону

великомученика и целителя Пантелеимона. Пуля попала в район правого глаза святого. Кощунник после своего «геройского» поступка разгуливал по селу и всем хвастался, что доказал главный постулат атеизма: Бога нет. «Если бы Он был, – заявлял стрелок, – то поразил бы меня на месте».

Но Господь давал время для покаяния. Вскоре дерзкий безбожник упал с лошади и больно ушиб на своем лице то место, которое повредил на иконописном лике. Однако это происшествие он счел случайностью. Прошло еще некоторое время. Однажды зимним вечером неисправимый кощунник возвращался в Кунье из Никольского по льду речки, поскользнулся, упал и не смог подняться. Впоследствии оказалось, что у него каким-то неведомым образом вывернулись кости ног из таза. Всю ночь он кричал нечеловеческим голосом, звал на помощь. Но люди из ближайших домов думали, что это воеет какой-то дикий зверь.

В конце концов бедолагу отыскали. От полученной травмы безбожник так и не поправился. Умер он без покаяния в страшных мучениях. Своей исковерканной жизнью практикующий атеист не доказал «истины» атеизма, а проиллюстрировал очевидные для любого христианина вещи. Тот, кто по своей воле отпадает от Жизнеподателя, лишается благодати и вместо вечной жизни наследует вечное умирание. По словам псалмопевца Давида, «убьет грешника зло» (Пс.33.22). Бог всегда желает спасения человеку и готов путем покаяния вернуть его к благодатному существованию. Но человек не всегда желает становиться на путь покаяния и порой выбирает сознательное служение злу, которое его в итоге и губит.

Видя этот пример перед своими глазами, многие местные жители получили на всю жизнь прививку от воинствующего атеизма.

Кунье под водой

В 1954 году после нового административно-территориального деления Кунье осталось в Курской области, а Старый Оскол оказался в новообразованной Белгородской. Немало было в селе недовольных таким разделением. Высказывались предложения провести границу областей по реке Оскол. Таким образом, Кунье могло отойти к Белгородской области. Однако парторга, озвучившего эту идею в высших партийных кругах Курска, скоростажно

сняли с должности и он вынужден был искать новую работу. Работа для него нашлась, как это нетрудно догадаться, в Старом Осколе.

До разделения областей наш приход принадлежал к Старооскольскому церковному округу. В июле 1954 года настоятель Покровского храма отец Николай Москаленко (тогда еще иеромонах) ходатайствовал об оставлении куньевского прихода в Старооскольском округе. Однако, епископ Иннокентий вынужден был ответить отказом, «ввиду того, что Кунье – Курской области, а Старый Оскол – <теперь> Белгородской».

Процесс укрупнения населенных пунктов в СССР во второй половине XX века с одной стороны шел естественным образом, с другой – стимулировался властями. Люди тянулись к свету (в частности, электрическому), к радио, прочим благам цивилизации. Хотели, чтобы у них под воротами не лужи хлопали, а лежал асфальт. Но у государства не было возможности сразу подтянуть линии электропередач и асфальтированные трассы к каждой на отшибе стоящей избе. Многие, не дождавшись прихода в дом «лампочки Ильича»,

Куньевские посиделки в 1960-е годы

принимали решение переселяться в более крупные и обустроенные села, поселки и города. Таким образом, с лица земли бесследно исчезали многочисленные приселки, выселки, хутора. Дети уезжали на учебу в город, да там и оставались. Мельчали села, не успевавшие за гонкой комфортизации. Уменьшалось население и в Кунье. Но виной тому не естественные миграционные процессы, а строительство Старооскольского водохранилища, которое нанесло сокрушительный удар по селу, отняв половину его территории. Куньевцам, чьи дома попадали в зону затопления, предложили переселиться в Старый Оскол, Губкин, Бараново или же на новое место в другой части села. Это было в середине 1970-х годов.

В 1982 году было принято решение о закрытии восьмилетней школы в селе Кунье и о переводе учившихся в ней восемнадцати детей в среднюю школу села Бараново. А до Великой Отечественной войны в селе одних только первоклассников набиралось свыше пятидесяти человек.

Куньевский сельсовет сохранил свое название, но тоже переехал в Бараново. В прошлом здание сельсовета находилось неподалеку от церкви. Это был центр села. Но поскольку по проекту эта территория подлежала затоплению, сельсоветовцы эвакуировались. А вода пощадила не только церковь, но и значительную прибрежную территорию. Некоторые жители села впоследствии сетовали, что поспешили сорваться с насиженных мест, и с досадой наблюдали, как побережье обживают члены дачного общества «Василек», работники Лебединского ГОКА – того предприятия, которому понадобился большой объем воды.

Село дачного типа

Вскоре Покровский храм оказался между селом и дачным поселком.

В настоящий момент дачных домиков в «Васильке» едва не больше, чем в Кунье. Но дачники, как выяснилось, крепче привязаны к земле, чем местные жители. Условно их можно разделить на две большие группы. В первую входят те, кто приезжает на дачу, чтобы как следует расслабиться, загореть, развлечься. Посещение богослужения в их развлекательную программу не вписывается. В другую группу входят дачники, которые приезжают на свой

Игумен Николай Москаленко

участок, чтобы как следует наработать. Они под призывный звон колокола, не разгибая спины, интенсивно натирают себе трудовые мозоли. Им даже перекреститься некогда, не то что заглянуть в храм.

Впрочем, пятерых или даже семерых владельцев дач можно с полным правом считать прихожанами нашей церкви. Остальные любят храм издали, искренне желая, чтобы он стоял долгие годы. Но для того, чтобы храм стоял, необходимо, чтобы мы в нем стояли. И не просто стояли, а молились, участвовали в таинствах церковных. Без молитвы и молящихся церковные здания

перестают быть домами Божиими и превращаются при внешнем сохранении архитектурных форм в музеи, гаражи или зернохранилища.

К слову, зерно в нашем храме уже хранили. При частичном ремонте пола в районе свечного ящика мы вывезли несколько тележек овса, просыпавшегося когда-то сквозь щели меж досками.

В дачников превратились и некоторые выходцы из Кунье. Обосновавшись в Старом Осколе или Губкине, они после смерти родителей унаследовали их дома и участки и теперь относятся к этому

наследству, как к даче.

Порой кажется, что в недалеком будущем все Кунье превратится в село дачного типа.

Уже завершили свой земной путь те, на ком держался наш приход в 1960-е – начале 1980-х годов. События этих лет мы восстанавливаем по нескольким документам, хранящимся в епархиальном и приходском архивах, и по сбивчивым рассказам старожилов.

Куньевцы заботились о храме. Много по его ремонту делали своими руками. Для сложных видов работ привлекали специалистов со стороны. Летом 1979-го года фасад храма приводили в порядок два мастера из села Репец: Нефедов В.Н и Проскурин Н.П. В 1983 году крышу куньевского храма ремонтировал кровельщик Степан Леонтьевич Пика из Киева. Лето в том году выдалось жарким. И мастеру часто приходилось работать по ночам и утрам. В другое время суток раскаленное железо не позволяло на крыше ступить и шагу.

К началу 1980-х годов мужчин среди прихожан нашей церкви стало заметно меньше. Дошло до того, что некому было помогать батюшке в алтаре. Владыка Хризостом по прошению настоятеля храма благословил входить в алтарь Анну Тихоновну Маклакову, женщину 65 лет. Известно, что она прожила всю жизнь в целомудрии и регулярно посещала храм. Возможно, Анна Тихоновна находилась в тайном постриге.

Ссылный приход

После смерти отца Николая до 1989 года ни один священник не задерживался в нашем храме на более-менее продолжительное время. Через каждые два-три года прихожанам приходилось знакомиться с новым пастырем.

Относительно долго лужил в Кунье протоиерей Константин Золотопуп. Отец Константин был уже в годах, страдал астмой. Известно, что приехал он в наши края из Украины на время, да и задержался на четыре года. Весной 1977 года состояние здоровья ухудшилось, вынужден был вернуться к родным.

В последующие годы служили в Кунье протоиерей Николай Шулеренко, священники Геннадий Кутепов, Димитрий Сопин, еще несколько батюшек, временно командированных из других храмов.

В 1986 году (с 15 апреля по 1 сентября) настоятелем Покровского

храма в селе Кунье был ныне уже покойный архимандрит Ипполит (Халин), приобретший большую известность в свою бытность наместником Рыльской обители. Отец Ипполит вел жизнь, как и подобает монаху, тихую. Местным жителям он запомнился своею добротой и любовью к животным. Всех женщин называл матушками. Отказывался от помощи по хозяйству. Сам в полдень ходил на пастбище доить корову.

Об отце Ипполите после его смерти вышло уже несколько книг и брошюр, но ни в одной из них, к сожалению, факт служения им в Кунье не приводится. Афонский и Рыльский период в жизнеописании батюшки затмили собою время его пребывания на маленьком сельском приходе.

В одну пору куньевский приход имел репутацию ссыльного. Есть свидетельство, что однажды Курский архиерей, вразумляя одного проштрафившегося священника, пригрозил ему: «Смотри у меня, а то в Кунье сошлю».

«Пришлите нам старенького батюшку»

К 1989 году наш храм в очередной раз оказался без настоятеля. Повсюду открывались новые приходы и священства катастрофически не хватало даже в больших городах и районных центрах. Чего уж тут говорить о «ссылном приходе»?

Весной отчаявшиеся прихожане куньевского храма отправили письмо на имя владыки Ювеналия с просьбой прислать им священника. «Может какого-нибудь старенького, а то молодые не приживаются, – писали они. – Мы со своей стороны обещаем помогать, в чем можем, будущему священнику. Подходит Пасха, а у нас нет службы».

Владыка ответил: «К Вербному Воскресению батюшка у вас будет» и рукоположил к Покровскому храму села Кунье Романа Яковлевича Братчика, бывшего в диаконском сане всего одни сутки. От столь стремительного жизненного поворота отец Роман заболел и во время рукоположения едва не упал в обморок. Так что владыка, прежде чем отправить его на приход, еще раз осведомился, нет ли у новоиспеченного батюшки какой-нибудь нервной болезни. О том, что священническое служение требует крепких нервов, владыка Ювеналий знал не понаслышке.

Александра Васильевна Агеева, которая приняла на квартиру

нового настоятеля, не скрывала своей радости. Особенно ее порадовало, что прислали священника старенького. Но каково же было удивление бабы Шуры, когда она узнала, что этому «старику» едва исполнилось сорок лет...

16 лет прослужил отец Роман в нашем храме. Время его служения стало, пожалуй, самой яркой главой в двухсотлетней истории Свято-Покровской церкви. В связи с потеплением церковно-государственных отношений у священства появились новые возможности и проповеди, и духовного руководства, и решения хозяйственных проблем. Батюшка (выпускник МГУ, с опытом научной работы и преподавательской деятельности) умело использовал их. Благодаря его трудам велась не только ремонтная, но и строительная деятельность. Были построены каменная ограда, сторожка, подсобное помещение, реконструированы купола, благоустроен дом священника и многое-многое другое. Однако самое главное, что после встреч с отцом Романом многие становились всерьез на путь духовной жизни. Это касается не только жителей трех сел (Кунье, Ржавца и Никольского), составляющих основу

Архимандрит Ипполит (Халин)

нашего прихода. В годы служения батюшки сюда стали приезжать многие горожане из Старого Оскола и Губкина (Первыми Оскольскими «ласточками» были Анна Евгеньевна Чечнева и Марина Евгеньевна Игнатова). И сейчас, когда протоиерей Роман Братчик служит в Успенском храме Курчатова, преподает в Курском государственном университете и Курской духовной семинарии, они не забывают куньевский Покровский храм. Храм, в котором впервые исповедовались, причастились Святых Христовых Тайн. В котором впервые в жизни ощутили удивительную близость к нам, грешным, Всемилоостивого и человеколюбивого Бога, а также заступничество и Покров Пресвятой Богородицы.

Отцу Роману удалось собрать настоящую христианскую общину, поскольку собирал он людей не вокруг своей личности и даже не вокруг церковного здания, а вокруг Христа. В молодости биолог, Братчик для научных целей ловил улиток на островах Дальнего Востока. А в сорок лет Господь сделал его «ловцом человекoв». И души для Христа батюшка ловил и продолжает ловить, что называется, «на живца». Он никогда не снимает подрясник. И все на улице, на рынке, в госучреждениях видят, что перед ними священник. Хозяйственные, торговые, юридические отношения в этом случае зачастую оказываются лишь поводом для беседы о сокровенном.

Когда в Кунье кто-то говорит слово «батюшка» без приложения имени, скорее всего, он имеет в виду отца Романа.

По святым местам

В годы настоятельства отца Романа доброй традицией куньевского прихода стали паломнические поездки по святым местам.

Ежегодно мы принимаем участие в знаменитом Крестном ходе с Курской иконой Божией Матери «Знамение». Малыми группами побывали на Валааме, в Дивеево, Санаксарах, Печорах, Почаеве, Киеве, Славяногорске, Дивногорье, Костомарово и многих других святых местах. С благословения духовенства Оптиной Пустыни разбивали в окрестностях этой знаменитой обители паломнический палаточный городок.

Значение паломнических путешествий для духовной жизни трудно переоценить. После них совершенно иначе воспринимаются и жития святых, и рассказы из церковной истории, и духовное на-

следие подвижников.

Уже будучи настоятелем храма в городе Курчатове, отец Роман организовал поездку на Святую землю, в которой приняли участие и куньевцы.

Есть у нас заветное желание побывать на Соловках, где в 1930-е годы отбывал заключение ктитор куньевского храма Егор Федосеевич Игнатов, и на Афоне, откуда более сотни лет назад в дар нашей церкви были посланы несколько икон.

В настоящее время большое число прихожан нашего храма принимает участие в поездках по святым местам, организованных «паломнической службой» старооскольского строительного предприятия КМАПЖС, дружбой с которым мы очень дорожим.

Поводом к посещению тех или иных обителей иногда становились поездки за частицами мощей. Таким образом, в нашем храме появились частицы мощей святителей Митрофана Воронежского, Тихона Задонского, Феофана Затворника Вышенского, св. великомученика и целителя Пантелеимона, св. братьев-бессребренников Косьмы и Дамиана Римских, преподобного Агапита и блаженного Феофила Киево-Печерских, преподобных старцев Оптинских, преподобномученика Игнатия Афонского, преподобных Александра Свирского и Феодора Санаксарского, праведного воина Феодора Ушакова. С благоговением храним мы частицы риз святителя Спиридона Тримифунтского и священномученика Владимира Киевского.

Студенты ПСТГУ из Кунье

Наш, в общем-то, небольшой приход оказался кузницей Студенческих Кадров для Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Это в своем роде уникальное учебное заведение закончил Алексей Братчик, сын протоиерея Романа. На вступительные экзамены он уезжал из Кунье, а с дипломом возвращался уже в Курчатов.

В конце 1990-х годов в наши края из Одессы на фестиваль поэзии и авторской песни «Оскольская лира» приехал рок-бард Максим Крижевский. Приехал на несколько дней, да и обосновался здесь на несколько лет. Только не с той стороны Старооскольского водохранилища, где разбивали свой палаточный городок участники и гости фестиваля, а на противоположном берегу – в селе Кунье. Поначалу

жил у настоятеля. Затем отшельничал в персональной усадьбе с маленьким негазифицированным домиком и погребом, в котором в годы войны отсиживались дезертиры.

Немного раньше, чем у Максима, начался куньевский период у Дмитрия Дайбова. Он под псевдонимом Каннинг вел авторскую рубрику в газете «Вечерний Оскол». В коротких эссе на разные темы отражались этапы духовного поиска самого автора. После нескольких посещений куньевского храма Дмитрий здесь, по самоироничному определению, «завелся». Да еще не один, а вместе с мамой Людмилой Сергеевной.

Те несколько лет, которые Максим и Дмитрий стояли на клиросе в нашем храме, в богослужбном плане были самыми насыщенными. Службы совершались ежедневно от Пасхи до Троицы, а так весь Рождественский пост. В конце концов, оба певчих стали студентами ПСТГУ и перебрались в Москву.

Не так давно в Свято-Тихоновский университет поступили супруги Каримовы: Шодман (в крещении – Александр) и Наталья. На Вербное Воскресенье 2007 года в Знаменском Кафедральном Соборе города Курска студент второго курса ПСТГУ Каримов был рукоположен в священный сан диакона. Сейчас отец Александр проходит служение в Курчатове.

Куньевские паломники в Святогорской лавре. Лето 2003 г.

Продолжает учебу в ПСТГУ и нынешний настоятель Покровского храма. Поскольку, по меткому выражению одного из преподавателей, этот вуз оканчивают не самые умные, а самые смиренные, учиться отцу Владимиру еще долго.

Кунье – Курчатов

«Современность быстро и подчас не-

ожиданно для нас превращается в историю» [19.стр.4], – заметил один современный архипастырь. Быстро и неожиданно стали частью истории и те два года, в которые мы по благословению архиепископа Курского и Рыльского Германа собирали сведения по истории Покровского храма, что в селе Кунье.

2 января 2005 года в Курчатове после тяжелой болезни

(рака легких) отошел ко Господу протоиерей Георгий Нейфах. Незадолго до своей кончины отец Георгий рекомендовал владыке в качестве своего преемника в должности настоятеля Успенского храма кандидатуру протоиерея Романа Братчика из Кунье.

Они (да еще вместе с будущими матушками) учились на биологическом факультете МГУ. Но по-настоящему сошлись несколько позднее, когда воцерковляющийся Юрий приоткрыл для интересующегося восточными учениями Романа удивительный мир Православия. Тогда будущий священник Роман Братчик всерьез обдумывал поездку на Тибет в поисках гуру, но по совету Юрия Нейфаха поехал в Псково-Печерский монастырь и нашел архимандрита Иоанна (Крестьянкина). Было это в Прощеное Воскресенье. И чин прощения в монастыре, и личность отца Иоанна произвели на паломника (на тот момент, к слову, еще и некрещеного) очень сильное впечатление. Холодный и колючий взгляд восточного гуру не шел ни в какое сравнение с теплым и мягким взглядом мудрого православного старца. Молодой ученый общался с отцом Иоанном, все больше и больше укрепляясь в вере. Большое значение для него

Куньевские и Курчатовские паломники на Святой Земле. Осень 2005 г. В центре – протоиерей Роман (Братчик)

имели и встречи с архимандритом Павлом (Груздевым), служившим в селе Верхнее-Никульское, в пяти километрах от ученого городка, в котором жили и работали Братчики.

Перед рукоположением в священный сан и отец Роман и отец Георгий проходили послушание на одном и том же приходе – при Успенском храме села Успенка Касторенского района Курской области. Настоятелем этого храма был в ту пору протоиерей Владимир Волгин, ныне известный московский священник.

Отец Георгий неоднократно бывал в Кунье. Ежегодно он приезжал сюда на большое Соборование с участием нескольких священников, которое традиционно проводится в храме в один из дней Великого Поста. Отец Роман регулярно приезжал в Курчатов и был осведомлен о многих начинаниях отца Георгия. Эти поездки участились, когда отец Георгий окончательно слег.

Через 40 дней после его смерти архиепископ Герман подписал указ об освобождении протоиерея Романа Яковлевича Братчика от обязанностей настоятеля Покровского храма в селе Кунье и назначении на должность настоятеля Успенского храма в городе Курчатов. Отец Роман попросил у архипастыря благословения в ближайший воскресный день попрощаться с приходом, в котором прослужил без малого 16 лет. Прощальная литургия батюшки состоялась 13 февраля и совпала с празднованием Собора Новомучеников и Исповедников Российских. Дополнительный смысловой оттенок для всех молившихся на этой службе имели слова из апостольского чтения о том, что с любовью Божьей нас не разлучат ни скорбь, ни теснота, ни гонения... (Рим. 8.35). В прощальных речах чаще всего звучали слова святителя Иоанна Златоуста: «Слава Богу за все».

А на следующий день владыка Герман знакомился с кандидатом в священники для куньевского храма. Этим кандидатом был ваш покорный слуга.

Накануне Надежда Ивановна Ермак от лица всей приходской общины сделала мне предложение: «Володя, будьте нашим батюшкой» и благословила «Пряжевской» (Суджанской) иконой Божией Матери. А в праздник Входа Господня в Иерусалим, в который архиепископ Герман рукополагал меня в первую степень священства – в сан диакона – оригинал этой иконы прибыл на короткий срок в Курский Знаменский собор, где и происходило таинство.

После богослужебной практики в Курске и священнической хиротонии, состоявшейся на Троицу в Свято-Троицком женском монастыре, я вернулся в свой родной приход. Но уже не прихожанином, а настоятелем.

Мог ли я подумать о таком повороте событий, когда в середине 1990-х годов, будучи корреспондентом одной из старооскольских газет, впервые приехал в Кунье писать очерк о сельском батюшке? Вот уж воистину неисповедимы пути Господни.

Накануне юбилея

В 2009 году исполнится 200 лет со дня основания в селе Кунье Свято-Покровского каменного храма. По милости Божьей в годы гонений власти пощадили его, но не пощадило время. Процесс разрушения обгоняет скромные ремонтные возможности нашего прихода. Для проведения всех видов ремонтных работ не хватает специалистов, средств, опыта. Но самая насущная проблема, которая в холодное время года ощущается особенно остро, – это отсутствие в церкви эффективной системы отопления. Ее монтаж мог бы стать делом, достойным столь солидного юбилея.

Покровский храм в 1960-е годы

Часть вторая

Дополнение к истории храма 1. Краеведческие заметки

Кунье, Куньи, Кунья...
(Загадки этимологии, или К вопросу происхождения названия села).

Когда Кунье называют деревней, я спешу вежливо поправить неточность. Деревней издревле считался населенный пункт, в котором нет храма. А в Кунье, слава Богу, храм есть. В нем я и служу.

Билет до села Куньи.
Цена на ноябрь 2004 г.

В архивных документах встречаются еще два варианта написания названия нашего села, помимо прижившегося: «Куньи» и «Кунья». (К слову, в кассах Старооскольского автовокзала продолжают выдавать билеты до с. Куньи).

В 17-ом томе знаменитого энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона между статьями «Кун-фу-цзы» и «Куныя-Ургенич» есть целых три объяснения слова «Кунья». В первом случае – за ним скрывается португальский мореход Тристан да Кунья, живший в XVI веке. Его воспевал Камоэнс, а папа Лев X вручил ему дарственную грамоту на все страны, которые португальским оружием будут отняты у неверных. Во втором случае интересующее нас слово также указывает на историческую личность – индийского ориенталиста XIX века Хозе-Жерсона да Кунья. Он происходил из семьи браминов, принявшей

христианство в первые времена владычества португальцев. Известен Х-Ж Кунья как автор обзора индийской культурной истории. Третья «Кунья» из энциклопедического словаря – это река в Псковской губернии, протяженностью в 160 верст [20. стр. 34–35]. А нашего села ни Ф.А. Брокгауз из далекого Лейпцига, ни И.А. Эфрон из неблизкого Санкт-Петербурга не разглядели.

Созвучное слово встречается у Карамзина в «Истории государства Российского» – «Куна». Это шкурка куницы, которая в древней Руси служила денежной единицей. Существовало выражение «кунные деньги» – подать, которую платил жених за невесту ее родителям. А саму девушку на выданье называли кункою [21. стр. 275]. В «Домострое» можно найти глагол «выкунила», отпущенный в адрес девушки, достигшей брачного возраста. В «Корнеслове» Шмидкевич куней названа железная цепь или железный ошейник, прикреплявшийся к стене в церковном притворе. Его возлагали на шею преступников. Что любопытно, одним из преступлений, за которое можно было оказаться на куне, являлось не хождение в храм.

Если попробовать разгадать загадку названия села Кунье с помощью сети Интернет, то можно узнать массу любопытного. К примеру, слово «автомобиль» придумал для своего парового артиллерийского тягача французский изобретатель Николай Жозеф Кунье. Однако едва ли маленький населенный пункт в российской глубинке был назван в честь изобретательного француза.

Еще нам Интернет подбросит информацию о герое поздней корейской мифологии по имени Кунье. Его имя корейцы переводят как «сын радуги». Корейский Кунье имеет один глаз и являет собой идеального злодея, который на-

Кунье – герой корейской мифологии

рушает конфуцианские нормы поведения.

Кунье – это, ко всему прочему, еще и экзотическое дерево, вроде бамбука, мербау или тика.

Есть у села Кунье и населенные пункты-тезки. Расстрелянный на Бутовском полигоне в 1937 году священномученик Константин Успенский до своего ареста и мученической кончины был настоятелем Никольской церкви, «что в Кунье на Мху» (Ныне это село Васютино Павлово-Посадского района Московской области). Деревня Кунье обнаружена нами на Урале в Добрянском крае. В 1908 году в ней проживало 444 человека. Интересно, сколько сейчас?

Историк Анатолий Павлович Никулов, автор исследования «Оскольский край», предполагает, что Кунье своим названием обязано рыбе. И даже уточняет, какой именно – окуню. Ведь наши края издавна славились рыбными местами. Эту версию молчаливо поддерживают современные любители рыбной ловли, регулярно нанося визиты в наше село. Объясняет Анатолий Павлович и устаревшее название села – Скупое. Речушка Кунья (Кунева), протекавшая по селу, была маловодной, «скупой» на воду [3. 86].

В самом Кунье бытуют две версии, объясняющие происхождение названия села. Первая – криминальная. Говорят, что в стародавние времена в нашем крае жила некая особа по прозвищу Куница, промышлявшая разбоем на большой дороге. К ней в банду собирались те, кто не хотел работать. Отчего лес, из которого делали свои набеги бандиты, стали называть Лодыри. А в нашем селе у Куницы была перевалочная база, поэтому его назвали Кунье Гнездо.

Вторая версия не столь романтична. Согласно ей, село получило свое название в честь ручейка, который тут протекал. Третью версию добавляю лично от себя. Возможно, в период заселения нашего края здесь осели уроженцы Псковской земли, где, как нам известно из словаря Брокгауза и Эфрона, на 160 верст вытянулась река Кунья. Вот бывшие жители ее побережья и могли принести в Приосколье привычную их слуху гидронимику. К слову, псковская речка и в наши дни не пересохла. Только современные географы измеряют ее длину не верстами, а километрами. И согласно их данным, протяженность реки Кунья – 258 км. Река эта узкая, быстрая, извилистая. Имеет множество перекатов, порогов и притоков. Все

притоки Куньи носят не менее загадочные названия: Лусня, Усвята, Черность, Добша, Губенка, Большая Неша, Сережа, Малый Тудор и Большой Тудор. Впадает Кунья в Ловать.

Есть еще одна версия, достойная внимания. Согласно ей, название села – наследие народов, хозяйничавших в наших краях до окончательного укоренения славян. Эту версию подкрепляют названия некоторых окрестных сел и городков, а также некоторые коренные фамилии. К ним относится фамилия Дагаевых. Долгое время этот род был связан с куньевским храмом.

**«Пастырь ничего не должен бояться...»
(О священнике Петре Дагаеве).**

Иерей Петр Петрович Дагаев, как и подавляющее большинство дореволюционных священников, происходил из духовного сословия. Родился он в 1868 году в семье диакона из села Ивановка Старооскольского уезда. В 1891 году Петр Дагаев окончил учебу в Курской духовной семинарии, женился на девице Варваре и вскоре был рукоположен в священный сан диакона, а затем – и в сан священника. Определен он был в Покровский храм села Кунье, где и служил до печального события 1929 года...

В начале XX века куньевский приход входил в состав 4-го благочиннического округа Старооскольского уезда. Долгое время иерей Петр Дагаев нес послушание церковного следователя в этом округе. Это свидетельствует о том, что отец Петр отличался рассудительностью, пользовался уважением и был довольно заметной фигурой в церковной жизни уезда. Одно время он входил и в училищный совет Старооскольского духовного училища.

До революции семья куньевского священника имела две с четвертью десятины усадебной земли, 22 десятины церковного надела, дом в пять комнат, два амбара, лошадь и корову. После 1917 года благосостояние Дагаевых едва ли увеличилось. Жизнь духовенства, с каждым новым годом советской власти, и в городах, и в селах становилась все тяжелее и тяжелее. К одним тяготам и лишениям добавлялись другие. К 1929 году отец Петр оказался не в силах выполнить план по хлебозаготовкам, который от него тре-

бовало советское государство, и попал под суд. Благодаря тому, что в конце 1920-х годов сталинское судопроизводство еще не достигло того смертоносного совершенства, которое оно продемонстрировало в середине 1930-х, обвиняемый отделался лишением остатка имущества.

В конце 1929 года отец Петр Дагаев ушел на покой, уехал из Кунье, где прошла большая часть его жизни, и поселился у дочери в Старом Осколе. Местные власти тут же отнесли его к категории лиц без определенных занятий.

Помимо дочери, у отца Петра было трое сыновей. Младший Николай работал врачом в Фатеже. Средний, Яков, продолжил священническую династию и служил в Верхних Апочках. А старший Владимир был секретарем сельского совета в Мантурово.

Несмотря на усилившееся со стороны властей давление на верующих, время переезда пожилого священника из Кунье в Старый Оскол было ознаменовано некоторым оживлением церковной жизни в Оскольском крае. С одной стороны – в нашей местности, как и в других регионах СССР, начались процессы по массовому закрытию церквей и лихорадочная коллективизация с широкомасштабным раскулачиванием. С другой – 13 декабря 1929 года был подписан указ об образовании новой епархии с центром в Старом Осколе. Первым епископом Старооскольским стал будущий священномученик Онуфрий (Гагалюк).

При появлении владыки в наших краях воспряли духом христиане всего Старооскольского округа, в который входило 10 районов. Десятки священнослужителей, уклонившихся было в обновленческий раскол, принесли покаяние и вернулись в лоно Православной Церкви.

Управлять епархией владыке приходилось в довольно стесненных условиях. Ему был строго-настрого запрещен выезд из города. Да и в самом Осколе епископу дозволялось проводить богослужение лишь в одном храме – Богоявленском соборе. За архиереем вели пристальное наблюдение и заставляли регулярно отмечаться в местном отделе ГПУ. Любой из этих визитов мог легко завершиться началом нового тюремного срока или ссылкой в суровые края. Все епархиальные вопросы епископ вынужден был решать полуподпольно, не желая лишний раз дразнить чекистов и опасаясь своими

действиями кого-либо скомпрометировать.

Весной 1930 года к владыке Онуфрию обратились с просьбой крестьяне из села Архангельское Баброво-Дворского (ныне Губкинского) района. Они просили назначить в их храм или хотя бы прислать на время Пасхальной службы священника. Епископ Онуфрий благословил отправиться в Архангельское на служение иерея Петра Дагаева.

Судя по документам уголовного дела, которое завели на отца Петра полгода спустя, в Архангельском в это время была крепкая церковная община, состоявшая в основном из мужиков-хлебопашцев. Жили в селе и монахини – две Матроны: Легчакова и Савинова. Они занимались выпечкой просфор. Возможно, монахини вернулись на родину доживать свой век после закрытия властями их монастыря. Какого – нам теперь неизвестно.

Архангельцы определили прибывшего батюшку на квартиру к крестьянке Анне Федоровне Легчаковой. В конце апреля (вероятно, после Пасхи) отец Петр, посчитав, что его миссия выполнена, собрался было вернуться в Старый Оскол. Однако члены приходского совета просили его остаться в Архангельском. Во второй половине июня (вероятно, после Троицы) священник вновь хотел уехать к дочери в Оскол. И вновь архангельцы уговорили его продолжить служение в их селе.

Стоит отметить, что к удалению на покой отца Петра побуждали не только годы, но и болезни. Известно, что он давно страдал язвой желудка, а в годы гражданской войны перенес тиф. Причем дважды.

Вот еще один факт, позволяющий нам утверждать, что у батюшки было слабое здоровье. Протоколы допроса иерей Петр Дагаев подписывал дрожащей рукой. Хотя, конечно, эта дрожь могла быть результатом «беседы» с арестованным. А то и вовсе – следствием стараний писаря ГПУ, подделывавшего подпись.

Едва отец Петр обосновался в Архангельском, как власти тут же обложили его новыми налоговыми бременами. К примеру, в 1930-31 годах он обязан был заплатить продналог в сумме 400 рублей. Надо полагать, что колхозные лидеры неоднократно оказывали давление на батюшку, требуя отмены богослужений в дни активных полевых работ. А летом в поле всегда есть работа. Порой батюшка не выдерживал напор. На Успение Пресвятой Богородицы (28 августа)

службы в Архангельской церкви не было.

В течение всей осени над головой пастыря сгустились тучи, а в начале зимы грянул гром.

2 декабря 1930 года в доме крестьянки Легчаковой, где квартировал отец Петр, был произведен обыск. Согласно протоколу, при обыске обнаружены и изъяты деньги в сумме 123 руб. 70 коп., облигации третьего займа на 10 руб. и один важный документ, подтверждающий, что иерей Петр Петрович Дагаев в 1919-20 годы не бежал от Красной Армии с белыми. Документ этот выдан Особым отделом Югзапфронта. Несмотря на то, что он был подшит к делу и нигде в дальнейшем не объявлялся фальшивым, отец Петр в обвинительных документах с чьей-то легкой руки именовался «перебежчиком к белым».

Изъятого было явно мало для уплаты назначенного продналога. Но на этот раз арестованному Дагаеву (а за обыском последовал арест) было предъявлено более серьезное обвинение. Его обвиняли по ставшей впоследствии чрезвычайно популярной 58-й статье. Вместе с ним арестовали ктитора храма Ефрема Гавриловича Старикова и члена церковного совета Василия Ивановича Савинова. На время рассмотрения дела их поместили в Старооскольский ДОМЗАК. (Дом заключенных, надо полагать). В Постановлении от 12 декабря говорилось: «Указанные лица, находясь меж собой в тесной связи по церковным делам, занимались антисоветской агитацией, для чего группировали вокруг себя односельчан – верующих, внедряя в них уверенность в греховности производимых мероприятий и в особенности коллективизации».

13 декабря на допросе, который проводил уполномоченный Старооскольской опергруппы ОГПУ Соколов, батюшка не признал себя виновным в предъявленном ему обвинении. 23 декабря состоялся повторный допрос. Его проводил уполномоченный отдела ОГПУ Амелин. И вновь отец Петр отказался признать себя виновным.

По делу архангельской «антисоветской группировки» проходило 17 свидетелей. Внес свою лепту в поддержание обвинения и местный сельсовет. Вот какую характеристику он выдал батюшке: «Лицо антисоветское, ведущее яро против советской власти,... Группировал возле себя кулацкие массы, проводил собрания населения, агитируя крестьянство...».

Свидетели сообщали, что члены церковной общины собирались

для чтения Священного Писания (в частности, Апокалипсиса), в котором находили параллели с современностью. Один из свидетелей рассказал, как 20 ноября отец Петр приходил на мельницу. Там он разговорился с крестьянами. Речь зашла о колхозах. По словам свидетеля, священник назвал их «совращением и соблазном антихриста». На это один из присутствующих крестьян заметил: «Батюшка, вы очень открыто говорите». А батюшка ответил: «Пастырь ничего не должен бояться и должен умереть за правду, как Иоанн Креститель».

Обвинительное заключение по делу Дагаева П.П., Савинова В.И. и Старикова Е.Г. было составлено 30 декабря. В нем говорилось, что обвиняемые, «имея за собой контрреволюционное прошлое и являясь антисоветски настроенными лицами, под видом церковного совета организовали в контрреволюционную группировку и вместо заседаний церковного совета проводили свои нелегальные совещания, на которых обсуждали вопросы срыва мероприятий сов. власти, основываясь на платформе библейского писания...».

На заседании Тройки при ПП ОГПУ по ЦЧО по внесудебному рассмотрению дел Дагаев Петр Петрович был признан виновным в преступлениях, предусмотренных ст. 58-10 и 50-11 УК, и приговорен к высылке в Северный край сроком на три года, считая срок с 12.12.1930 г. В.И. Савинов и Е.Г. Стариков также получили по три года, но не ссылки, а лагерей. У Василия Ивановича Савинова остались дома пятеро детей, самая младшая из которых – дочка Анечка – родилась в год ареста отца.

Дальнейшая судьба иерея Петра Дагаева и членов его «контрреволюционной группировки» нам неизвестна. Может статься, что ссылка на север оказалась для пожилого священника смертным приговором.

14 декабря 1992 года иерей Петр Петрович Дагаев, ктитор храма в селе Архангельское Ефрем Гаврилович Стариков и член церковного совета Василий Иванович Савинов реабилитированы. К заведенному на них делу за №427-с подшиты справки о реабилитации, выданные Белгородской областной прокуратурой, и дело окончательно сдано в архив Управления ФСБ РФ по Белгородской области [14].

Куньевский колхоз «Большевик»

как мишень для критики

К 1936 году слово «колхоз» прочно вошло в лексикон советских людей, а сами коллективные хозяйства стали неотъемлемой составляющей советской действительности. Весь Ястребовский район, в состав которого входило тогда село Кунье, покрылся сетью разнокалберных колхозов. И даже районная газета (орган Ястребовского райкома ВКП (б) и райисполкома) с гордостью носила название «Колхозное знамя». Издавалась она тиражом 1 800 экземпляров и распространялась по колхозам. Не без административного нажима, впрочем.

Надо заметить, что названия колхозов в ту пору точнее передавали дух времени и отличались большей оригинальностью, чем в послевоенные годы. Оцените сами. В Ястребовке был колхоз «Смычка». В Репце – «Политотделец». В Стужне – «Наша сила». В Никольском – «Путь к социализму». (Позднее, когда партии показалось, что к социализму страна уже пришла, никольский колхоз переименовали в «Путь к коммунизму»). В Бараново первоначально организовали целых три коллективных хозяйства: «Красный боец», «Красная звезда» и «Третий решающий год пятилетки». Куньевский колхоз своим названием не претендовал на оригинальность, скромно именуясь «Большевиком». Однако на страницы районной прессы это название попадало довольно часто. И в большинстве публикаций колхоз «Большевик» и лично его председатель Роцупкин подвергались суровой критике.

В заметке от 11 октября 1936 года с разоблачающим названием «Кто способствует Роцупкину разваливать колхоз?» говорилось: «Колхоз «Большевик» Куньевского с/с это один из самых больших колхозов нашего района и потому требует крепкого большевицкого руководства, но на самом деле этого-то руководства и нет в колхозе». Это уже была девятнадцатая с начала года критическая заметка, направленная против Роцупкина и его команды. «Они орудуют на руку классового врага, всеми мерами подрывая благосостояние колхоза», – негодовал селькор Шестаков и призывал прокуратуру оформить факты преступлений и передать их в народный суд.

24 мая «Колхозное знамя» обвиняло Роцупкина в невыполнении обязательств перед государством. Корреспондент, скрывающийся под псевдонимом «Колхозник», возмущался: «Вместо того, чтобы

потребовать от колхозников выполнения плана мясopоставки и финплана, Роцупкин сам должен 33 кг. мяса и 37 руб. денег разных платежей». Через четыре дня председателя колхоза «Большевик» обвинили уже в срыве начала сева. «Тревожные сигналы поступают в райгазету от селькоров Куньевского сельсовета, – так начиналась статья с названием-приговором «Пьянице Роцупкину не место в колхозном руководстве». – Роцупкин окончательно разложился и оставил руководство колхозом, втянувшись в систематическую пьянку. С 30 апреля по 8 мая он непрерывно пил и не показывался в колхоз. С 22 по 25 мая пьянствовал на религиозном празднике в Никольском сельсовете... Известно ли об этом райЗО, прокурору и другим районным организациям? Да, известно. А раз известно, то ждем решительных мер в оздоровлении руководства колхозом «Большевик».

В заметке «Бездельники» от 14 июня Роцупкин вместе с председателем Куньевского сельсовета Помельниковым обвинялись в том, что они «совершенно не беспокоятся о дорожном строительстве». 6 июля Роцупкину опять досталось за пьянку, которая, по словам корреспондента, у него «вошла в систему». 9 августа фамилию нерадивого председателя колхоза склоняли в связи с медленным выполнением плана хлебозаготовок. 1 сентября Роцупкина ругали за то, что он не обеспечивает молотилку рабочей силой. 27 сентября ястребовские газетчики стыдили куньевских колхозников за плохую уборку конопли. 8 октября – за расхищение «на корню» подсолнуха.

Доставалось и другим жителям Кунье от остроперых корреспондентов «Колхозного знамени». К примеру, автор, скрывающийся под псевдонимом «Колхозник», костерил завмага Куньевского отделения Барановского сельпо Гринева за неудобный график работы магазина. Безвестный «Селькор» обвинял конюха седьмой бригады Шестакова в том, что он вредит колхозу, уничтожая конское поголовье. Некто «С.» требовал наказать и уволить сторожа тока Дагаева Е.А. за то, что тот самовольно ушел с охраняемого им объекта.

Сердобольный «Селькор», видя недочеты в работе куньевского комсомольского лидера, не смог промолчать и разразился заметкой «Комсорг Хайменов не включился в сев». Вот ее содержание: «Не интересуется весенний сев секретаря первичной комсомольской организации при колхозе «Большевик» Куньевского сельсовета

Хайменова П.П. (Он же является и культурником).

С самого начала сева он ни одного раза не был в поле и совершенно не знает, где и как работают его комсомольцы, а они, да и вообще все колхозники лишены всякого культурного обслуживания.

Нужно сказать, что Хайменов получает газеты для красного уголка, но он их не читает, а уносит домой и складывает, сам же занимается исключительно рыбной ловлей.

Первичная комсомольская организация должна обсудить бездеятельность своего секретаря и потребовать от него продуктивной работы».

Жители других сел под прицел критики попадали намного реже, чем куньевцы. Но все-таки попадали. Журили журналисты никольских колхозников за отставание в стахановском почине, видя причину этого в том, что «ни один из шести бригадиров еще точно не знает, чем отличаются стахановцы от обыкновенных колхозников, добросовестно выполняющих свои нормы». Просачивались на страницы районной прессы и сообщения о некоторых процессах, которые позднее отнесли к репрессивным мероприятиям. К примеру, кладовщик колхоза «Красная звезда» (с. Бараново) Овсянников Д.Н. был обвинен в умышленном «погноении» семенной вики. А качественник того же хозяйства Овсянников А.Г. – в смешении сгнивших семян с хорошими. «Помимо вредительского сева, выявлено, что оба Овсянниковы являются кулаками, пробравшимися в колхоз, – победно заявляло «Колхозное знамя». – Дело на кулаков-вредителей передано в народный суд для привлечения их к уголовной ответственности». Порой в районке тех лет можно было прочесть и прямые призывы к расправам. В августе колхозники «Красного бойца» (из того же Бараново) обсуждали сообщение о суде над «контрреволюционной троцкистско-зиновьевской бандой». Заметочка об этом обсуждении получила такой заголовок: «Расстрелять их, как бешеных собак»... [22].

Конечно же, далеко не все события, происходившие в середине 1930-ых годов в нашей местности, можно восстановить по публикациям в советской прессе. Но определенное представление о той эпохе подшивка старых газет, хранящихся в Государственном архиве Курской области, нам дала. И в то же время поставила ряд новых вопросов.

Остался открытым и вопрос: «Кто был последним священником

храма в селе Кунье в предвоенное время?». Из других источников нам известно, что с 1936 года богослужения в куньевской церкви уже не совершались.

Иногда мне кажется, что здание храма в Кунье уцелело благодаря тому, что жители села не добивались больших успехов на колхозном фронте, не торопясь рушить прежний уклад. Поэтому-то колхоз «Большевик» очень часто превращался в мишень для критики.

Единственный фотоснимок (О священнике Василии Алпееве)

Священник Василий Севастьянович Алпеев родился в селе Репец, что под Ястребовкой, в конце XIX века. (Точный год рождения, к сожалению, нам неизвестен). Вероятно, после окончания учительской семинарии, он вернулся в родное село уже в качестве учителя. Когда пожилой настоятель-монах собрался на покой, он рекомендовал на свое место учителя Алпеева, поскольку тот был активным прихожанином местного храма.

До начала 30-х годов XX века отец Василий служил в Репце. Затем был переведен в Чуфичево, а позднее в Салтыково. Из этого села он и отправился на мучения. После ареста священника Василия Алпеева его матушку, оставшуюся с четырьмя детьми, парализовало.

Она пролежала в параличе 22 года, до самой смерти. Все это время за больной матерью ухаживала дочь Валентина, которая (возможно, и по этой причине) своей семьи не создала.

Другая дочь Раиса пыталась отыскать папу в Соликамске, куда угнали ту партию арестованных, в которую отец Василий попал. О том, как погиб священник Алпеев, достоверных сведений нет. По одной из версий, он вместе с 260 арестантами был заморожен в железнодорожном вагоне...

Это единственный фотоснимок отца Василия. На нем супруги Алпеевы запечатлены еще до страшных потрясений, полностью перевернувших их жизнь. Фотография эта хранится в семейном альбоме внучки погибшего священника Веры Осиповны Еренковой, прихожанки Свято-Покровского храма села Кунье.

Параскева-мученица

С 1929 по 1937 годы существовала весьма обширная Старооскольская епархия, к которой относился и куньевский приход. До 1933 года епархией управлял священномученик Онуфрий (Гагалюк). Едва ли владыка бывал в нашем храме, ведь ему строго-настрого запрещено было выезжать из Старого Оскола. Нет сведений и о том, кто служил в Кунье после вынужденного выезда из села отца Петра Дагаева в 1929 году. Судя по документам из фонда культурной комиссии Курского облисполкома, богослужения в Кунье с определенной регулярностью совершались до 1936 года. А затем последовало шестилетнее безмолитвенное затишье.

С уверенностью можно сказать, что в нашем храме молились те, кто посещал в свое время богослужения священномученика Онуфрия. И даже те, кто близко общался с ним. К примеру, старушка Параскева из Ястребовки. Если она в разговоре употребляла аргумент, начинающийся со слов: «А владыко Онуфрий говорил...», спорить с ней было уже бесполезно. Этот святой был для нее непререкаемым авторитетом всю ее жизнь.

В начале 1930-х годов священномученик Онуфрий благословил тогда еще совсем молодую Параскеву иконой Спасителя в терновом венце. «К чему это мне терновый венец?» – удивилась она. Но владыка сказал, что время для ответа на этот вопрос еще не пришло.

Параскева благополучно пережила все волны гонений за веру, встретила благочестивую старость и в 1990-ых годах приняла мученическую кончину. Однажды к ней в дом ворвались грабители, изби-

ли ее, покопались в вещах. Не исключено, что искали какой-нибудь церковный антиквариат. Всем в округе было известно о набожности этой старой женщины. Напоследок, заметая за собою следы, преступники подожгли дом...

Люди, разгребавшие пепелище, нашли обгоревшие косточки старушки в углу, под сгоревшей лавкой. Отпевать убиенную Параскеву приезжал настоятель куньевского храма священник Роман Братчик.

2. Жанровые зарисовки

Жили у бабуси... караси

Село Кунье находится на побережье хотя и искусственного, но все-таки моря. В официальных документах этот водоем проходит как Старооскольское водохранилище. При постройке рукотворного моря в середине 1970-х годов селу был нанесен удар, от которого оно так и не оправилось. Жителям улиц, попадавших в зону затопления, предложили на выбор несколько вариантов: квартиру в Старом Осколе или Губкине, жилье в соседнем селе Бараново или переселение в другую часть села. В итоге все куньевские улочки и закуточки (с экзотическими названиями типа Грязновка, Нахаловка, Ползовка, Луговка, Куток, Собачевка) упростились до двух прямолинейных улиц: Парковой, напоминающей о том, что когда-то на ее месте был парк, и Советской, напоминающей о том, что когда-то в Кунье была советская власть.

В годы, когда воинствующий атеизм был частью внутренней политики нашего государства, храм в селе Кунье уцелел. Может быть

потому, что во все времена среди куньевцев находились те, кому эта церковь была дорога и кто готов был встать на ее защиту. Об эпохе воинствующего атеизма напоминают только следы от пуль в иконе св. великомученика Пантелеимона. В целом же местные власти в глубине души Бога если не любили, то во всяком случае боялись и не спешили приводить в испол-

Раиса Егоровна Обухова и ее домочадцы. (Караси в тазике). Весна 2007 г.

нение смертные приговоры, которые выписывало куньевской церкви районное и областное начальство. Любопытный факт. В 1936 году районная газета «пропесочила» председателя местного колхоза Рощупкина за то, что он уехал «пьянствовать» на престольный праздник в село Никольское.

После великого переселения храм, некогда находившийся в центре села, оказался в стороне. До него вода не дошла. Хотя по первоначальному проекту церковное здание должно было уйти на «морское» дно. На опустевшем берегу за храмом выросли дачные домики садового общества «Василек». В настоящее время их число уже превышает численность домов коренных жителей Кунье. Связь города и села становится прочнее в летнее время, когда пускают дачный автобус №113. Его конечная остановка – у храма. Поэтому им пользуются не только дачники и жители села, но и наши горожане-прихожане. Или приезжане, как называл их предыдущий настоятель отец Роман Братчик.

А еще жизнь села существенно оживляют рыбаки. Как-то выйдя после службы из храма, я насчитал у церковной ограды 26 автомобилей. Все они принадлежали любителям рыбной ловли, которые из-за весенней распутицы не смогли подъехать поближе к берегу и припарковались у храма. А на самой службе в тот день было человек семь, кстати. И все пешеходы.

Разумеется, была среди этих семи и Раиса Егоровна Обухова. Сама себя она называет «правой рукой батюшки». Официально ее должность звучит так: «заместитель председателя церковного совета». Раиса Егоровна не пропускает ни одной службы, невзирая на капризы погоды и состояние здоровья. Хотя здоровье все чаще подводит. Восьмой десяток все-таки. Уже появляются мысли о том, что пора продавать корову. Но пока корова мычит в сарае, требуя своей доли внимания, Раиса Егоровна затемно возвращается домой с вечерней службы. Приходится откладывать отдых на более поздний час и обходить все хозяйство. Ведь еще премудрый царь Соломон сказал, что «праведный печется и о жизни скота своего» (Притч. 12.10). А значит, если мы стремимся к праведной жизни, то должны заботиться о своих подопечных.

Число подопечных Раисы Егоровны прошлым летом увеличилось на два, прямо скажем, не совсем типичных для сельского подворья существа. Началось все с того, что у внука Паши не удалась рыбалка.

За все время рыбной ловли клонули лишь два карася. Их-то Павел и принес бабушке. Мол, делай с ними, что хочешь.

Жарить двух рыбешек – только сковородку пачкать. На уху – тоже маловато. И Раиса Егоровна скомандовала выпустить улов в бочку с водой до более удачной рыбалки.

Прошло лето. Пришла осень. О карасях все это время никто не вспоминал. В преддверии холодов решила Раиса Егоровна вылить воду из бочки, чтобы ту льдом не разорвало, и вдруг увидела, что в бочке жизнь бурлит – караси резвятся. Переселила она их в синий тазик с двумя ручками и перенесла в коридор. Когда мороз усилился, забрала рыбок в дом.

Рыбки всем полюбились. Сын Леня стал подкармливать их отрубями, сэкономленными при кормежке свиней. За зиму рыбешки заметно посолиднели. При ближайшем рассмотрении домашние Раисы Егоровны заметили, что караси друг от друга отличаются. Один – чуть белее, другой – темнее. Как те гуся из детской песенки. Дали карасям имена – Гоша и Коша.

Пришедшая весна вновь поставила Раису Егоровну перед выбором. Подать ли карасей к столу? Тем более что в Великом посту есть день, в который церковный устав позволяет употребление рыбы – Вербное Воскресенье. А может выпустить их обратно в водохранилище? Но за время близкого общения с людьми рыбы потеряли навыки выживания в опасной среде и могут стать слишком легкой добычей какого-нибудь хищника или кровожадного рыбака. Свои виды на карасей давно имеет и кошка Рыжуха. Но к ее мнению почему-то никто не прислушивается.

Раиса Егоровна после долгих размышлений нашла соломоново решение... Гоша и Коша вернулись в свою любимую бочку.

«Изыдите, оглашенные...»

У Людмилы Сергеевны зарос сад. Для квалифицированной обрезки она пригласила опытного специалиста. После работы разговорились. Людмила Сергеевна – мама студента миссионерского факультета Православного Свято-Тихоновского университета и один из тех столпов, которые подпирают молодого и малоопытного настоятеля Покровского храма в селе Кунье. Поэтому говорили о Церкви. Садовод признался, что ходит в храм два раза в год: на

Пасху, чтобы поставить свечку, и еще на какой-то праздник, чтобы набрать воды. Людмила Сергеевна поинтересовалась, а молится ли он. Мужчина ответил отрицательно.

– Ну, может быть, просите, чтобы у дочки все хорошо было или еще что-нибудь? Может, благодарите? Это и есть молитва, – не унималась Людмила Сергеевна.

– Да, нет, – убивал последнюю надежду садовод. – Просто покупаю свечку и ставлю ее на подсвечник.

– Так тогда вам и ходить в храм никакого смысла нет, – не сдержалась Людмила Сергеевна.

– Правда? – удивился садовод. – Так я больше и не буду.

Большое Соборование

Ежегодно в дни Великого Поста в нашем храме проходит большое Соборование, на которое приезжают многие священники. Как-то было девять батюшек. А соборующихся собиралось свыше двухсот, что превышает население Кунье. 27 марта 2007 года в нашем храме соборовалось 145 человек. Служили семь священников из Горшечного, Баранова, Болота, Ястребовки, Старого Оскола и Курчатова.

Просфороведение

Людмила Сергеевна Дайбова за выпечкой просфор. Лето 2007 г.

Печенье просфор – это и наука, требующая определенных знаний и умений, и аскетическая практика, заставляющая отказаться от приятности посторонних занятий, и молитвенное делание. В принципе, любое дело без молитвы можно считать браком. Но тот, кто пробовал когда-либо печь просфоры, убе-

дился в этом на практике.

За два века на просфоры для нашего храма ушло много тонн муки. Не один десяток человек занимался их выпечкой. В недавнем прошлом послушание просфорниц исполняли Зоя Ефимовна Рассохина, Ольга Ивановна Болотова, Людмила Алексеевна Шпакова. Сейчас этим нелегким, но спасительным делом занята Людмила Сергеевна Дайбова.

Батюшка с ценником

Новое постовое облачение (нежно-фиолетовое с золотыми узорами) мне очень понравилось. Это заметили все, кто был в храме. Валентина Федоровна даже подошла ко мне после службы, чтобы поздравить с обновкой, а заодно и посоветовала срезать со спины ценник.

Человек в рясе

Захожу в лифт.

– Вам на седьмой? – спрашивает у меня случайный попутчик, загадочно улыбаясь.

Я киваю головой. На седьмом этаже живет моя хорошая знакомая, не так давно всерьез начавшая свое воцерковление.

– Отмучилась, значит, старушка, – глубоко вздыхает попутчик, прогоняя с лица тень улыбки.

Моей знакомой до старческого возраста еще полжизни. Тут уже в улыбке расплываюсь я...

Почему-то у некоторых людей человек в рясе вызывает исключительно траурные ассоциации.

Как я отказался «отпевать» кротов (рассказ приходского священника)

Крот в огороде – не просто непрошенный гость, а настоящее стихийное бедствие. Стоит ему уткнуться своим носом в картофельную плантацию – пиши пропала половина урожая. Укатит нашу картошечку по темным тоннелям в укромную кладовую. Да еще и землю на участке так перелопатит, что, того и гляди, ногу вывихнешь.

Поэтому-то и не любят в народе этого серого маленького зверька, хотя в большинстве сказок он выступает в качестве положительного героя. Но то в сказках. А в реальности борьба с подземными жителями огородов идет не на жизнь, а на смерть.

Чем только не пытаются огородники извести кротов, прописавшихся на их огородах. Ставят капканы в норки. Устанавливают самострелы. Засыпают в ходы битое стекло, сухой репейник, толченый чеснок. Надеются накормить нахального зверя специальной отравой. А то и вовсе остервенело охотятся на него с помощью лопаты и остро заточенного прута, превращая свой огород в противотанковую траншею.

В селе Кунье нынешним летом модно бороться с кротами при помощи специфических шумелок, или по-другому – громотушек. Многие куньевские огороды утыканы палками, на концы которых привязаны пустые жестяные банки или пластиковые бутылки. Принцип действия шумелки такой. Ветер треплет банку, банка бьется о палку, раздается шум. Ожидается, что крот испугается шума и обойдет огород стороной. Насколько эффективна такая система защиты, думаю, мы узнаем в период сбора урожая. Ведь, как говорится, кротят по осени считают.

Но, оказывается, есть еще один способ избавиться от кротов...

Как-то в храме подходит ко мне бабушка из соседнего села и смущенно передает просьбу своих соседей отслужить панихиду над горсткой риса. Я сначала подумал, что речь идет о рисовой кашке – разновидности поминальной кути. Соседей этих я в храме никогда не видел и их усопших родственников не знаю, потому спросил: «А кого поминать?». Оказалось, что для просителей это абсолютно не важно. Для них главное – получить рисовую крупу, над которой батюшка почитал заупокойные молитвы. А эту крупу они потом собирались рассыпать по огороду и таким образом надеялись в этом сезоне разрешить проблему кротов.

Такого резкого поворота от храма к магии я, признаюсь, не ожидал и сперва опешил, не зная, в какую форму облечь свой отказ. Но потом нашелся: «Передайте вашим соседям, что отпевать их кротов я никак не могу. Во-первых, они ж живые еще. А во-вторых, некрещеные...».

Часть третья

Приложение к истории храма

Сам себе храм.

Можно ли верить в Бога, лежа на диване?

Чтобы лишить следующий текст ненужной интриги, сразу же дадим ответ на вынесенный в подзаголовок вопрос. Да. В Бога можно и нужно верить на всяком месте: и на диване, и в магазине, и даже в бане. Но не всякое место можно назвать местом особого Божьего присутствия.

Православные храмы строились и строятся не для того, чтобы стать памятником архитектуры, а для того, чтобы не угасала в нас память о Боге.

В годы гонений на Русскую Церковь храмы, лишенные крестов и превращенные в зернохранилища, склады, клубы и МТС, напоминали расхристанному люду, что не все можно измерить мерками материализма. И многие, слыша эту безмолвную проповедь, приходили к мысли, что «что-то там есть» и сходили с тропы воинствующего атеизма. А спустя некоторое время обретали веру.

Здесь, мне думается, и стоит искать ответ на вопрос: «Почему вчерашние партийные работники, лекторы общества «Знание» и прочие «герои вчерашних дней» оказались в числе прилежных прихожан восстанавливаемых храмов?». Пока их ум еще блуждал в атеистических дебрях, их сердце торило дорогу к Богу. И маяками на этом пути были храмы. Даже разрушенные. Утраченные святыни побуждали затрепетавшие сердца бережнее относиться к тому, что нам осталось.

Однако с прискорбием вынужден констатировать, что немалое число христиан в наше (внешне благоприятное для проявления религиозных чувств) время довольствуется «верою в душе». О своей принадлежности к Церкви Христовой такие христиане вспоминают

лишь в минуты глубокой скорби (во время потери близких) или глубокой радости (накануне Крещения детей или Венчания). Но зачастую и в эти моменты их церковная жизнь поверхностна, а их поведение в храме носит формальный характер. Они делают «все, что положено в таких случаях», и прощаются с Церковью до следующего случая. В быту они легко попадают в ловушки суеверий, высшей инстанцией в религиозных вопросах считая информационное бюро ОБС (Одна бабушка сказала). К священникам «верующие в душе» могут относиться доброжелательно, но нужды в них не испытывают. Мол, мы и без посредников можем с Богом общаться. И благополучно не общаются: не молятся, не исповедуются, не причащаются Святых Христовых Тайн. Храм они воспринимают как просто красивое здание, а Церковь – как одну из многочисленных организаций.

В пестрой палитре религиозной жизни современной России среди представителей различных конфессий и сект можно выделить еще один тип: неприсоединившиеся. Они, как правило, до всего дошедшие своим умом, повторяют заезженные фразы: «Бог един. Религий много. У меня своя вера». Но в чем суть хотя бы одной из многочисленных религий, «неприсоединившиеся» не спешат узнать. А православие, которое является культуuroобразующей религией в нашей стране, они, по большому счету, и не хотят узнавать. Подспудно ощущая, что встреча со Христом потребует от них изменения всей жизни, одиночки избегают Бога, надев маску приличного человека и придерживаясь свода общечеловеческих заповедей (из различных священных книг и уголовного кодекса).

Мой остроумный приятель одного такого «бегуна от Бога» назвал «сам себе храм». Что любопытно, в Священном Писании есть указание на то, что тело человеческое надо воспринимать как храм. Однако храм этот, неосвященный благодатью Святого Духа, быстро превращается в склад, клуб или МТС. Благодать же Божия подается человеку в Таинствах церковных. А для того, чтобы принять участие в Таинствах, нужно осознать себя частью церковного организма. Нужно прийти в храм. Однажды и всерьез.

**Утешение скорбящим
Смерть – это не только потеря, но и приобретение**

«Не хочу же оставить вас, братия, в неведении о умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды» (1 Фес. 4.13).

Каждому из нас знакома эта горечь – горечь утрат. Как пелось в некогда популярной песне, не терял друзей и близких лишь тот, кто не жил на земле. Но скорбь верующего человека отличается от скорби невера. Чем же? Она не безысходна. Мы скорбим, имея упование. Заметьте, не смутную надежду, которую надо еще питать, чтобы она не зачахла, а упование (уверенную надежду), которая сама питает нас живительной силой.

На что же или, вернее, на кого мы уповаем? На Того, в Кого верим. На Бога. Мы верим, что созданы им не для гибели, а для спасения. И земная жизнь – лишь часть пути, который нам надлежит пройти. Длина взлетной полосы, с которой душа взмывает в небесные обители, определяется не нами. Мы не можем по своему произволу укорачивать или увеличивать свой жизненный путь. Один Господь, зрящий в самое сердце человека, знает, когда для него наступает полнота времен, когда он созревает для перехода в иные жизненные условия. Поэтому самоубийство можно считать худшим видом святотатства, воровства у Бога. Общецерковные молитвы за самоубийц не возносятся. Благословение на келейное поминание их получают лишь самые близкие родственники. И то не все.

Но вернемся к тем, кто смерть свою не приближал. Отделены ли они от нас светозвуконепроницаемой стеной? Возможно ли наше общение с умершими? И если возможно, то какое?

Вспомним, как мы относились к нашим близким до разлуки с ними. Любили ли мы их? А сейчас как мы к ним относимся? Жива ли наша любовь к усопшим? Или нам их просто не хватает? НАМ! Здесь уже речь идет не о их смерти, а о нашей жизни, подточенной червячком эгоизма. А между тем, ОНИ теперь нуждаются в нас, как никогда раньше. Они – усопшие, спящие до всеобщего воскресения мертвых. Мы пока бодрствуем, а значит, можем молиться. И наша молитва о упокоении усопших, обращенная к Богу, является одновременно общением с ними, проявлением нашей любви к ним. Их дыханием. Не случайно в чине отпевания есть молитвословия, произносимые от имени отпеваемого.

Наше поминание умерших не должно сводиться к банальному

застолью с закуской и выпивкой или трансформироваться в вечер воспоминаний с речами типа, «помнишь, каким он парнем был». Мы должны поминать поминаемых такими, какие они есть сейчас. А сейчас они – усопшие, ждущие наших молитв, а не праздных словес и перемиывания косточек.

Так что, теряя близких по эту сторону смерти, мы приобретаем молитвенный опыт. И порой именно смерть родных нам людей побуждает нас по-иному взглянуть на собственную жизнь и сделать первый шаг к Богу, у Которого, как известно, все живы: бодрствующие, и усопшие.

Пьянство и свинство

«Пьяница уподобляется свинье: как свинья ходит вокруг огорода, обноживает ноздрями огородные овощи и пробует рылом плетень, ища дыры; так пьяница ходит по улицам, засматривает во всякий двор, и прислушивается, не пьют ли где?»
Преподобный Кирилл Философ.

Как-то меня спросили, есть ли в нашем селе сектанты и как я с ними борюсь. Я ответил, что самая большая «секта» в Кунье (как, наверное, и в других селах) – поклонники зеленого змия. И так, КАК они сами с собою борются, никто с ними бороться не сможет. Но некоторые им в этом пагубном деле помогают... Я имею в виду самогонщиков и распространителей дешевых горячительных напитков сомнительного качества.

В каждом селе есть свои «горячие точки». И в точках этих гибнут люди. Сначала морально, а потом физически. Свидетельство о смерти не всегда раскрывает истинную ее причину.

Алкоголизм – болезнь, историю которой хорошо знают не столько врачи, сколько ближайшие родственники и соседи больного. Алкоголика можно назвать страдающим, а его близкие часто оказываются в роли пострадавших.

Даже если любитель выпить в подпитии не агрессивен, его внешний вид печалит. Больно видеть, когда твой муж, папа или сын на твоих глазах превращается в животное, руководимое одним единственным инстинктом – инстинктом саморазрушения. Поиск ответа на вопрос «Где бы выпить?» становится основным смыслом

его жизни.

Стимулирует развитие алкоголизма одна дурная деревенская традиция – за все расплачиваться спиртным. Мне доводилось принимать исповедь и у тех, кто пьет, и у тех, кто наливает. Но исповеди эти бывали зачастую неполными, так как кающиеся не каялись в своих грехах, а оправдывались. Спаивающие (в основном – ветшающие бабушки) оправдывали себя тем, что без бутылки им никто по хозяйству помогать не будет. Спивающиеся (в основном – мужчины в самом рассвете сил) объясняли свои запои тем, что их угощают. Мол, не оскорблять же чувство гостеприимства. Словом, борец с пьянством на селе попадает в замкнутый круг, который к тому же является еще и порочным.

Как выйти из этого круга? Во-первых, надо понять, что пьянство – это не просто невинная слабость, а тяжкий грех. Во-вторых, осознать, что потворство чужому греху – это тоже грех. Не менее, а может быть и более тяжелый.

Но это только первый этап борьбы со страстью. Грех надо возненавидеть всем сердцем и всеми силами души желать от него освободиться. Однако самое главное – это понимание того, что без Божьей помощи нам его не одолеть. А помощь эта и подается как раз в таинстве покаяния.

Преподобный Кирилл Философ уподобил пьяницу свинье. А какому животному уподобить того, кто «угощает» или, вернее будет сказать, соблазняет? Участь обоих незавидна. Святой евангелист Лука передает такие слова Спасителя: «Невозможно не прийти соблазнам; но горе тому, через кого они приходят...» (Лк. 17.1).

Жизнь как телешоу

Допустим, что долготерпение Божие продлится еще несколько сот (или даже тысяч) лет. Допустим, что еще несколько десятков поколений в условиях своей земной жизни будут иметь возможность идти по узкому пути спасения, уклоняясь от широких погибельных путей, ведущих к смерти. Допустим.

И вот теперь из этого далекого фантастического будущего оглянемся назад, в то прошлое, в котором мы пока живем. Не станет ли нам стыдно за «бесцельно прожитые годы»? Стыдно, если не перед

Богом, верить в Которого не каждому по нраву, то перед потомками.

Потомки будут изучать историю нашего времени по разным источникам. Самым обильным, вероятно, окажется не свод законов (хотя их тоже останется немало), а многомиллиардный ворох мегабайтов визуальной информации, оставленный многоканальным летописцем по имени телевидение.

Конечно, историки грядущих веков не станут во всю эту канализационную летопись погружаться с головой, чтобы не потерять саму голову и время. Они постараются уловить общие тенденции.

Увидев события нашей с вами жизни через призму голубого экрана, историки, скорее всего, отметят две характерные черты. С одной стороны, наша жизнь покажется им сплошным бедствием. Удельный вес шокирующих событий в информационных блоках рассматриваемого нами периода превысил сострадательные возможности человеческого организма. На вопрос: «Что в мире происходит?» телеведущие азартно отвечают: «Авиа- и автокатастрофы, кораблекрушения, землетрясения, наводнения, теракты, убийства (заказные, само- и немотивированные) и т.д., и т.п.»

По логике, эта ежедневная черная полоса новостей должна была повергнуть пикирующее человечество в никогда не прекращающийся траур. Однако мы видим, что эти мрачные информационные блоки вмонтированы в пестрое полотно круглосуточного телешоу. Да и сами новости, по сути, являются его органической частью, развлекая уставших от других развлечений телезрителей.

Эпидемия развлекательных программ – это вторая характерная черта тележизни начала XXI века.

Даже тот, кто обещает чему-то научить, используя элементы развлечения для привлечения внимания, как правило, заигрывается и не сдерживает своего обещания. Но просветителей (успешных и не очень) на телевидении немного и они погоду не делают. Там правят бал другие – откровенные развлеченцы, ради дешевого эпатажа перешагивающие за рамки приличия, и без того уже раздвинутые современной массовой культурой до «шире некуда».

Жизнь человека ценна для телепродюсера лишь как материал для нового проекта. А сам человек нужен лишь как пушечное мясо. В этом парадокс нынешнего гуманизма. Вроде бы все для человека делается (в том числе и шоу), а человек все чаще ощущает себя чужим на этом «празднике жизни». Он искушен уже всеми иску-

шениями. Шокирующее его не шокирует, ужасное – не ужасает, отвратительное не вызывает у него отвращения. И несмотря на то, что он как член общества потребления все время что-то потребляет, его душа мучается и страдает от голода. Она понимает, что все то, чем ее фаршируют, не несет в себе живительных соков, а является синтетическим заменителем, этаким поп-кормом. Вроде бы ум и сердце человека всегда чем-то заняты, они всегда в активе, но ощущение пустоты нет-нет да и подступает к горлу. И где-то в самой глубине души зреет насущная потребность разобраться в самом себе, увидеть себя таким, какой ты есть.

– Окей!!! – тут же вскрикивает ведущий нового телешоу. – Мы поможем тебе, только не переключай канал.

И вкатывает в пробуждающуюся совесть лошадиную дозу снотворного. Тебе снятся выясняющие друг с другом отношения воришки, убийцы, прелюбодей, геи, патологические вруны... Ты блаженно улыбаешься во сне: «Ах, как много в мире людей, которые хуже меня. Я и жене изменяю не так часто, и ворую не так уж много, и вру только по праздникам. Какой же я хороший! Какое замечательное шоу!...» Однако пройдет время и чары очаровавшего нас ведущего ослабнут, сценаристы начнут повторяться, рекламные паузы станут все длиннее, действие снотворного станет ослабевать и наша душа вновь обнаружит свое существование...

Словом, историки прекрасного далека о настоящей жизни души наших современников из телелетописи ничегошеньки не узнают. Может быть, даже какой-нибудь бойкий аспирант защитит диссертацию на тему: «А была ли душа у человека в XXI веке?». И, чувствуя я, придется нам перед потомками из-за этого голубого экрана краснеть.

Мне могут возразить, что телевидение только отражает действительность (и в новостных подборках, и в шоу-программах). А, как любил говаривать классик, на зеркало неча пенять, коли рожа не фотогенична. Что ж, не станем спорить с классиком, если он имел в виду нормальное зеркало. А на кривое не грех и попенять. И если не хватает духу выбросить сию бракованную вещь на помойку, повернем ее отражающей поверхностью к стенке.

Кстати, телевизор можно использовать в качестве тумбочки для цветочного горшка. И это, по всей видимости, лучшая польза, которую он может принести.

Семь бед семь

Большинство наших проблем (если не все!) уходит своими корнями в семейные неурядицы. Нет лада в семье, нет его и в обществе. Но этот разлад – не причина, а следствие того конфликта, который вызрел в душе современного человека. Человека, упорно пытающегося жить «по своему хотению», использующего других людей для реализации своих задумок и не задумывающегося о том, что по поводу каждого из нас у Бога есть Свои планы. Так что корень наших бед (и личных, и семейных, и общечеловеческих) следует видеть в неверии.

Увязая в колее бытового атеизма

Святые отцы давным-давно заметили, что чем ближе люди приближаются к Богу, тем ближе они становятся друг ко другу. Но наша жизнь зачастую превращается в доказательство этой святоотеческой теоремы методом от противного. Приближение к Богу не только не становится нашей главной жизненной целью, оно пугает нас. Мы боимся того, что вера в Бога ограничит нашу свободу, лишит нас многих невинных (как нам кажется) удовольствий. Нам придется что-то соблюдать, в чем-то себе отказывать, где-то себя сдерживать. А ведь это очень болезненно для нашего самолюбия. И вот мы, не желая терпеть эту боль, отказываемся от завета с Богом. Нет, мы (в основной своей массе) не отрицаем Его существования. И уж, тем более, не выходим на тропу воинствующего атеизма. Мы лишь катимся по колее атеизма бытового, веря в Бога исключительно «в душе» и заглядывая в свою душу еще реже, чем в храм.

Продиктовав Богу свои условия взаимоотношения с Ним, мы с еще большей легкостью реализуем свои диктаторские замашки в отношениях с другими людьми. И, в частности, с теми, с кем оказались в одной семейной упряжке (с супругами). Что, конечно же, не самым благоприятным образом сказывается на крепости семейных уз.

Семья в периоде полураспада

Все, кто сегодня касается темы семьи, с печалью констатируют очевидный факт: в наше время этот общественный институт находится в глубочайшем кризисе. Это проявляется, во-первых, в том, что количество разводов практически не уступает числу браков. Во-вторых, в том, что множество семей, хотя еще юридически не распались, но фактически находятся в состоянии полураспада. Супруги либо годами проживают в разных местах, вспоминая о своем семейном положении лишь тогда, когда случайно заглядывают в соответствующую графу в своем паспорте. Либо, живя под одной крышей, имеют связи (а то и детей) на стороне. Такое положение вещей, во многом благодаря желтой прессе и телевизионным ток-шоу, из аномальных явлений переведено в ранг нормы.

Есть еще третий факт, свидетельствующий о кризисе современной семьи – это боязнь потенциальных супругов ее создавать. В целомудренной древности молодые пары, как правило, шли под венец после длительного периода пребывания в статусе жениха и невесты. Между сватовством и венчанием могли пройти годы. Но все это время будущие муж и жена старались держаться друг от дружки на «пионерском» расстоянии. А ныне считается хорошим тоном до официальной регистрации в течение нескольких лет «проверить свои чувства». Естественно, беременность в этот период – явление неожиданное. А потому в большинстве случаев она прерывается.

Аборт – это убийство ребенка и шаг к разрушению семьи

Но и после свадьбы сплошь и рядом случаются аборты. Молодожены не спешат становиться папой и мамой, потому что: а) не позволяют жилищные условия; б) нет стабильного источника доходов; в) ведь надо же, в конце концов, сначала пожить для себя. А когда молодых родителей Господь в скором будущем благословляет вторым ребеночком, этот дар не принимается в большинстве случаев. И нерожденное дитя оказывается в клоаке абортария. Что характерно, на аборт решаются и те мамы, которые в принципе не против второго ребенка, но они надеются родить его попозже, когда подрастет первый. И надежды эти не всегда сбываются. Благодать Божия оставляет такие пары. Аборт, совершенный с согласия мужа (иногда молчаливого), превращает членов семейного союза в соучастников тяжелого преступления – убийства. И этот грех, кроме всего прочего, может

стать одной из причин распада семьи.

Игромания в памперсах

Но родить дитя и обеспечить его на ближайшие восемнадцать лет йогуртами – это только половина родительского долга. Важно дать верное направление развитию его душевных качеств и духовных сил. Мы теряем наших детей, когда бросаем их один на один с многоканальным спрутом телевидения. Телевизор – плохая нянька, даже если изредка там и мелькают хорошие кадры.

Еще интенсивнее растет глухая стена непослушания между чадом и родителями, когда последние «подсаживают» (сами же!) своих детей на компьютерные игры. Печально, что игромания в нашем обществе с каждым годом все молодеет и молодеет. Сейчас трехлетние карапузы дают фору лысым дядькам в плане освоения новых «бродилок» и «стрелялок». Не факт, что к подростковому возрасту они не превратятся в завсегдатаев зала игровых автоматов, а к совершеннолетию – в рабов казино. Тогда о благополучной семье им останется лишь мечтать. Жить с мужем-игроком – это все равно, что строить дом в сейсмически опасной точке. В любую секунду может начаться землетрясение, которое самую добротную конструкцию превратит в руины.

Едва ли разводы детей и их периодические крупные проигрыши порадуют до времени постаревших родителей. Но об этом им надо было думать, когда они усаживали малолетнего игрока за компьютер, а сами часами занимались делами, которые на тот момент казались им самыми важными. Хотя, что может быть важнее воспитания детей, которое святитель Феофан Затворник назвал равноангельским служением? Признаемся себе, что наше нежелание заниматься воспитанием детей является проявлением нашего желания жить в свое удовольствие.

Опять мы возвращаемся к тому же корешку, который питает своими ядовитыми соками раскидистое древо современных проблем. Проблемы семейные – одна из самых мощных ветвей на этом древе. Причем отсутствие семьи не освобождает человека от груза проблем, называющихся семейными. А решить их можно только с Божьей помощью и... всей семьей.

Хорошее дело – брак

Осень по праву считается порой свадеб. Однако все-таки их сегодня справляется меньше, чем могло бы. И причина тут не в остром дефиците невест с женихами. Обеты безбрачия тоже ни при чем. Дело в том, что в наше время широкое распространение получила практика так называемых «гражданских браков» – этого многолетнего безблагодатного сожительства. Люди, составившие пару, годами сосуществуют друг с другом, не торопясь ни в ЗАГС, ни в храм. Доходит даже до того, что отцы малышей, нажитых в таких «гражданских» семьях, вынуждены впоследствии усыновлять собственных детей.

Некоторые подобные пары руководствуются принципом экономии. Дескать, зачем тратиться на свадебные гуляния, если можно и так жить. И живут, тратя на рядовой день рождения больше, чем иные – на свадебные торжества. Другие «проверяют чувства», доводя их до полного бесчувствия, а то и до чувства взаимного отвращения.

Все-таки, что б ни говорили, а жизнь во грехе не делает людей ближе друг к другу. Грех всегда разъединяет. Это его основное свойство. И прежде всего он разъединяет человека с Богом. А потом, как следствие, с другими людьми.

Поэтому любое дело, а уж тем более семейную жизнь, надо начинать с испрошения благословения: Божьего, священнического, родительского. Уже само это прошение смиряет нас, делает подвижнее на добро, смягчает характер, которым обычно люди и не сходятся друг с другом...

Святые земли курской

В 2003 году по благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II был установлен новый церковный праздник – Собор Курских святых. Поскольку самым почитаемым святым нашего края, бесспорно, является преподобный Серафим Саровский, то и новоустановленный праздник было решено совместить с днем обретения его мощей – 1 августа.

Среди святых, просиявших в земле курской, есть и подвижники давно минувших дней, и святые недавнего времени. В Курске вырос и укрепился в желании всю свою жизнь посвятить Богу преподобный Феодосий Печерский, которого наряду с преподобным Антонием Печерским по праву считают отцами русского монашества. В середине XVIII века большая часть нашего края входила в Белгородскую епархию, которой управлял святитель Иоасаф. Под его началом было более тысячи приходов. Святитель старался посетить их все, всюду укрепляя веру в пасомых. Даже смерть застала его в пути. Связана с курской землей и судьба двух оптинских старцев: преподобных Макария и Исаакия I. К слову, в Свято-Никольском храме поселка Горшечное и в Покровском храме села Кунье есть частицы мощей этих святых. Не так давно были прославлены в лике святых еще два подвижника XIX века, родившиеся в Курске. Это преподобный Илия (Чеботарев), подвизавшийся в Верхотурье, и преподобный Иоанн (Крюков), ушедший в затвор в Святогорском монастыре.

XX век стал для Русской Православной Церкви веком мученичества и исповедничества. Сонм курских святых в годы гонений пополнили священномученик Дамиан (Воскресенский), Иувеналий (Масловский), Павлин (Крошечкин), Иоасаф (Жевахов), Иоанн (Пашин), Александр (Шукин), Никодим (Кононов), Антоний (Панкеев), Матфей (Вознесенский), Митрофан (Вильгельмский), Василий (Иванов), Ипполит (Красновский), Александр (Ерошов), Михаил (Дейнека), Виктор (Каракулин), Петр (Сионский) и другие ведомые и неведомые архиереи, священники, монахи и миряне, предпочтшие смерть за Христа жизни без Бога. Связана с нашим краем и судьба знаменитого святителя-хирурга Луки (Войно-Ясенецкого). В 1906–1908 годы, задолго до своего рукоположения, он занимал пост главного врача в селе Верхний Любаж Фатежского уезда.

Но особо хотелось бы выделить священномученика Онуфрия (Гагалюка), архиепископа Курского с 1933 по 1935 годы. Доподлинно известно, что владыка бывал в Горшечном. В конце 1929 года он ехал на поезде из очередной своей ссылки на новое место жительства – в Старый Оскол. На станции Горшечное священномученик был снят с поезда и взят под арест. Поскольку специального помещения для арестованного на станции не нашлось, владыку посадили в погреб.

Однако, не найдя повода для обвинения, через три дня позволили продолжить путь. По всей видимости, владыка Онуфрий проезжал Горшечное и весной 1933 года, когда его конвоировали из Старого Оскола в воронежскую тюрьму.

Таким образом, благодаря гонениям, воздвигнутым на христиан безбожниками, в нашей стране не осталось уголка, в котором бы не побывали святые люди.

Священномученик Онуфрий
(Гагалюк)

Вместо послесловия

Зная о том, что лучше всего запоминается последнее, и учитывая также, что многие имеют привычку читать с конца, мы решили самое важное поместить в конце книги. Это рассказ о празднике, в честь которого освящен главный придел нашего храма.

Рассказ этот мы нашли среди духовного наследия священномученика Онуфрия (Гагалюка). И датирован он как раз тем временем, когда владыка управлял Старооскольской епархией, в состав которой входил и куньевский приход.

Текст публикуется по машинописному изданию 1952 года [23].

Беседа в Праздник Покрова Пресвятой Богородицы

*«Дева днесь предстоит в Церкви
и с лики святых невидимо
за ны молится Богу»...
(Из праздничного тропаря).*

В начале X-го века в Константинополе, во Влахернской церкви шло торжественное всенощное бдение. Служил сам Святейший Патриарх. Царь с царицею, вельможи и много знатных и простых лиц усердно молились Богу. Среди богомольцев был нищий Андрей, Христа ради юродивый с учеником своим – богобоязненным юношей Епифанием.

В конце богослужения Андрей видит чудное явление. Окруженная небесными силами и святыми угодниками Божиими, на воздухе от входных врат шла Царица Небесная и остановилась на амвоне. Около Божьей Матери стояли Иоанн Предтеча и св. Иоанн Богослов. На Пречистом челе Своем Пречистая Дева имела широкий плат или омофор, сияющий необыкновенным светом. Божья Мать остановилась на амвоне и стала усердно молиться Богу за предстоящих людей.

И говорит св. Андрей своему ученику: «Видишь ли, Госпожу и Царицу мира». Епифаний ответил: «Вижу, святой отче, вижу и ужасаюсь».

Царица Небесная потом подошла к престолу и горячо молилась. А затем сняла омофор со Своего лица и покрыла им молящихся в Церкви. Когда прекратилось чудесное видение, Андрей с Епифанием возвестили о нем верующим, и все исполнились необыкновенной радости и умиления.

Отчего не все молящиеся во Влахернской церкви увидели Царицу Небесную? Ни вельможи, ни цари, ни даже патриарх, а лишь двое – Андрей юродивый и юноша Епифаний... Потому, что только эти два были достойны лицезреть Божию Мать. Андрей был подвижник и много страдал Христа ради. Епифаний сиял девственной чистотой и смирением. «Блаженни чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5.8). Слышим ныне дерзкие речи: «Покажите нам Бога, чтобы мы видели его своими очами, и мы в Него уверуем!».

Не понимают такие, что для зрения Бога нужны не телесные, а духовные очи, очищенные от всякой скверны плоти и духа (2 Кор.7.1). Не только вы – надменно попирающие святую, но и мы, слугители Божии, преданные Господу всей

душой, не видим духовного мира, ибо мы сего не заслужили! Но это не умаляет нашей радости в сей светлый день. Пусть не видим мы своими очами Царицы Небесной, но мы крепко верим, что Она, милосердная Мать рода человеческого, с нами. Это поведали нам святые Андрей и Епифаний. Они – праведники Божии – открыли нам, грешным жителям земли, что с нами в храмах Божиих молится Пресвятая Дева и небесные силы, и Святые угодники Божии.

Так было во Влахернской церкви. Но так есть во всяком православном храме. Утешайтесь, возлюбленные этой радостью. Как отрадно это слышать, что в настоящий день святого праздника Покрова Пречистой Богородицы Она с нами здесь в этом святом храме, почему и поет Церковь: «Дева днесь предстоит в Церкви и с лики святых невидимо за нас молится Богу»...

Андрей и Епифаний возвестили нам, что между небом и землею нет средостения, но – единение: Царица Небесная и ангелы, и угодники Божии входят в наши нужды и усердно молятся Христу Богу о нас грешных, чтобы не погрязли мы в земле и ее интересах, но своими желаниями устремлялись к небу и вместе с ними наследовали обители Отца Небесного (Ин. 14.1–3). Нынешний праздник напоминает нам, что «здесь», на земле «не имеем постоянного града, но ищем будущего» (Евр. 13.14), что кроме этого видимого мира, который доступен нашим внешним чувствам, есть еще реальный, но для телесных очей наших недоступный – другой духовный мир, с его величайшими вечными радостями, где Христос Спаситель и Царица Небесная, и ангелы, и святые угодники Божии!..

Царица Небесная невидимо покрывает нас Своим омофором и молится за нас пред престолом возлюбленного ее Сына и Бога. Будем же всегда прибегать к Пречистой Деве Марии, не отходить ни на час от Ее священного покрова. «Радуйся, Радосте наша, покрой нас от всякого зла честным Твоим омофором!».

*Священномученик Онуфрий (Гагалюк).
Город Старый Оскол. Начало 1930-х годов.*

Литература и источники

1. Шамаев М. «Пора встряхнуться от спячки». // «Колхозное знамя». Газета. Орган Ястребовского Райкома ВКП (б) и Райисполкома. №50. 14 июня 1936 г.
2. Каунов С. «Мятежный край». // «Путь Октября». Газета. Орган Старооскольского Райкома ВКП(б) и Райисполкома. №228. 11 октября 1935 г.
3. Никулов А.П. «Оскольский край. Историческое исследование». Курск. 1997 г.
4. Хижняк А. «Приосколье». Воронеж. 1984 г.
5. Никулов А.П. «К вопросу о происхождении названий населенных пунктов Староосколья». // «Оскольский край». Научный альманах. Выпуск 1. Ст. Оскол. 2005 г.
6. СОКМ (Старооскольский краеведческий музей). КП 11937. «Книга церковная для регистрации браков села Бараново». 1839 г.
7. «Справочная книга о церквах, приходах и причтах Курской епархии за 1908 год». Курск. 1909 г.
8. «Из истории монастырей и храмов Курского края». Под ред. Проф. Друговской А.Ю. Курск. 1998 г.
9. ГАКО (Государственный архив Курской области). Фонд 184. Опись 2. Дело 470. Ревизские сказки 1815 г.
10. ГАКО. Ф.20. Оп.3л. Д.144. Справочные листки на священнослужителей на букву «Д».
11. ГАКО. Ф.750. Оп. 2л. Д. 534. «Дело о назначении окончившего курс Курской Духовной Семинарии Иакова Петровича Дагаева священником к церкви с. Кунья Старооскольского уезда».
12. Раздорский А. «Архиереи Курского края». Курск. 2004.
13. ГАКО. Ф. Р-323. Оп.1. Д. 689. С протоколами заседаний по изъятию церковных ценностей по Старооскольскому уезду. Л.213.
14. УФСБ по Белгородской области. Архивное уголовное дело № 427-с.
15. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Ед. хр. 86. Закрытие храмов в Ястребовском районе.
16. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Ед. хр. 85. Закрытие храмов в Ясеновском районе.
17. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Ед. хр. 30. Закрытие храмов в Горше-

ченском районе.

18. Шкаровский М.В. «Нацистская Германия и Православная Церковь». М. 2002 г.

19. Митрополит Ювеналий (Поярков). «Памяти Бориса Николаевича Ельцына» // «Церковный вестник». № 9. 2007 г.

20. «Энциклопедический словарь». Издатели: Брокгауз Ф.А и Эфрон И.А. Том XVII. С-П. 1896 г.

21. «Полный церковно-славянский словарь». Под ред. Г. Дьяченко. М. 1993 г.

22. «Колхозное знамя». Газета. Орган Ястребовского Райкома ВКП(б) и Райисполкома. №№43-107. 17 мая -11 ноября 1936 г.

23. «Жизнь и труды православного архиепископа Онуфрия». / Машинопись/. Москва. 1952 г.

Автор искренне благодарит всех, кто помог ему при работе с архивными документами? Анатолия Павловича Никулова, Елену Алексеевну Андрусенко, Маргариту Михайловну Литвинову, Ольгу Викторовну Шуваеву, Василия Викторовича Гайдужова, Евгения Семеновича Карпука, Виктора Исаевича Склярука и многих других, о ком в списке запомнил.

В оформлении книги использованы фотографии из семейных альбомов Валентины Федоровны Агеевой, Валентины Фроловны Обуховой, Галины Григорьевны Игнатовой, Ефросинии Ивановны Аршиновой, Зои Ефимовны Рассохиной, ины Павловны Нечетовой, Ольги Митрофановны Волковой, Сергия Васильевича Черникова, Ангелины Андреевны Грибок, а также оригинальные фотоснимки Александра Владимировича Рудакова, Евгения Александровича Цуканова, Светланы Олеговны Воронцовой, и автора.

**Кунье
под Покровом
Пресвятой Богородицы**

Священник Владимир Русин

Издано Свято-Покровским храмом.
306841, Курская обл., Горшеченский р-н, с. Кунье,
ул. Советская, д. 7а. Тел.: 8-915-567-27-31.
Отпечатано в ГУП «Старооскольская типография»
309514, Белгородская обл., г. Старый Оскол, ул. Калинина, 2а